

ГЕЛЬВЕЦИИ

Хачик Нишанович Момджян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.226-289

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие
Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века
Фонтенель
Мелье
Монтескье
Вольтер
Руссо
Ламетри
Дидро
Гельвеций
Гольбах
Вольней
Маршалль
Французский материализм — один из идейных источников утопического социализма и коммунизма XIX века
Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки [Vive Liberta](http://ViveLiberta) и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hlv>

Клод Адриан Гельвеций родился в Париже в январе 1715 года в семье придворного врача. Учился в коллеже Людовика Великого, который находился в ведении иезуитского ордена. Живой по натуре, одаренный и впечатлительный, юноша рано почувствовал отвращение к схоластике, которая составляла основу иезуитского воспитания.

В годы учения Гельвеция происходили непрерывающиеся столкновения народных масс с королевской властью, стоявшей на страже интересов феодальной знати. Крики возмущения и протеста голодных и поработанных, стук копыт коней стражей королевской власти, устремившихся на подавление мятежников, лязг мечей и грохот выстрелов из мушкетов врывались в школы, составляя лучшую часть молодежи призадуматься над тем, что творится за стенами коллежей.

Проникшись презрением к схоластическому воспитанию, едва скрывая свое проническое отношение к теоло-

гическим дисциплинам, к всевозможным доказательствам бытия божьего, Гельвеций стремился взять дело своего обучения в собственные руки. Он читает и перечитывает Корнеля, Расина, Буало, Мольера, Лафонтена. Увлекают его также французские философы и моралисты — Монтень, Лабрюйер, Ларошфуко. «Максимы и моральные размышления» последнего привлекли внимание Гельвеция к проблеме эгоизма, которая станет позднее одной из важных проблем в его творчестве. Большую роль в формировании философских взглядов мыслителя сыграла знаменитая книга Локка «Опыт о человеческом разуме». «Эта книга, — сообщает первый биограф Гельвеция, Сен-Ламбер, — произвела революцию в его (Гельвеция) мыслях. Он стал ревностным учеником Локка, но учеником таким, каким был Аристотель для Платона, учеником, способным прибавить к открытиям учителя свои собственные открытия»¹.

Завершив курс обучения в коллеже, Гельвеций по воле отца начал готовить себя к карьере финансиста. С этой целью он переехал в Кан, где его дядя занимал пост директора ферм. Но по свидетельству современников, будущий философ больше был увлечен литературой и философией, чем коммерческой и финансовой деятельностью.

В 1738 году королева Мария Лещинская, желая облагодетельствовать своего личного врача, предоставила его сыну, молодому Гельвецию, должность генерального откупщика с годовой рентой 300 тысяч ливров. Будущий философ неожиданно стал богатейшим человеком. Одновременно он получил возможность в силу своего служебного положения непосредственно ознакомиться с реальной картиной общественной жизни, безмерными страданиями народа.

Утративший смысл и право на существование старый общественный строй, желая выжить, прибегал к жестоким актам насилия, закручивал налоговый пресс, чтобы покрыть возрастающее расточительство господствующего класса, лишал народные массы стимулов к труду, обрекал их на полуголодное существование. Гельвеций видел, как накапливалось в рядах «третьего сословия» негодова-

¹ *Saint-Lambert J. F. Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvétius. — Oeuvres complètes d'Helvétius. Nouvelle édition, t. I. Paris, 1818, p. 5—6.*

ние против феодального порядка, сословного неравенства, королевской власти и католической церкви.

Философ рано проникся чувством глубокого сострадания к поработанным и униженным, с надеждой смотрел на их растущий гнев. В границах своих возможностей он поощрял дух сопротивления против больших и малых тиранов. Сен-Ламбер передает интересный эпизод из жизни Гельвеция — генерального откупщика. Находясь как-то в Бордо, он узнал о новом налоге на вино, грозившем разорить провинцию и город. Гельвеций попытался добиться отмены этого налога, но тщетно. С юношеской горячностью он обратился к гражданам Бордо со следующими словами: «До тех пор пока вы ограничитесь жалобами, никто не удовлетворит ваши просьбы. Вы можете собраться в количестве свыше десяти тысяч человек. Нападите на наших чиновников, их не более двухсот. Я встану во главе их, и мы будем защищаться, но в конце концов вы нас одолеете, и вам будет воздана справедливость»². По возвращении в Париж Гельвеций добился отмены налога. Трудно сказать, насколько точно Сен-Ламбер передает этот эпизод, но не вызывает сомнения, что в период своей деятельности в качестве генерального откупщика Гельвеций познал феодальную систему и проникся к ней нескрываеваемой антипатией.

На волнующие вопросы жизни Гельвеций искал ответа у передовых людей века — своих предшественников: у Фонтенеля, Монтескье, Вольтера и других видных просветителей.

Значительными оказались для Гельвеция личные встречи со знаменитым Фонтенелем, автором книг «Разговоры о множестве миров», «О происхождении басен» и «Истории оракулов». Бесспорно, Фонтенель был одним из лучших представителей французского свободомыслия, которое расшатывало основы метафизики и религиозной идеологии, хотя само не полностью освободилось от метафизики.

Гельвецию посчастливилось лично знать знаменитого Бюффона, автора известной работы «Естественная история». Немаловажной была роль Бюффона в развитии естественных наук, в создании первых основ эволюционной теории, в выработке взгляда на космос, геологию Земли и на живых существ как на нечто ставшее, имеющее

² Там же, с. 13.

свою длительную историю. Теории и гипотезы Бюффона, несмотря на все оговорки их автора, были заострены против библейских «истин» и противоречили религиозному мировоззрению.

Можно, не боясь ошибиться, сказать, что из всех великих современников наиболее видную роль в духовном формировании Гельвеция сыграл Вольтер. Будучи уже одним из выдающихся вождей просветительского движения, Вольтер проявил очень большой интерес к первым литературным опытам молодого Гельвеция. Переписка между Вольтером и Гельвецием свидетельствует о пристальном внимании признанного мастера к начинающему ученику, к его идеям и художественным формам их выражения.

Гельвеций советуется с Вольтером и по вопросам философии, в частности относительно сенсуалистической теории Локка, которая в переработанном виде впоследствии заняла фундаментальное место в собственной философии Гельвеция. Уже в «Записных книжках» (*Notes de la main*), куда молодой Гельвеций заносил свои мысли, можно найти интересную идею об интеллектуальном подвиге Локка. «Метафизики, — пишет Гельвеций, — приписывали себе заслугу открытия неведомого края души. Они, так же как и все путешественники, много нагнали. Вместо того чтобы дать точную карту души и ее историю, они дали вымышленные и феерические сказки. Это продолжалось до тех пор, пока не явился путешественник (Локк. — *X. M.*), который сумел увидеть то, что якобы видели метафизики, по их собственным заверениям. Никто их не мог опровергнуть, потому что никто их не понимал, как не понимали они сами себя. Правдивый путешественник открыл наши глаза на ложь метафизиков»³.

В переписке Вольтера и молодого Гельвеция многократно поднимается вопрос о боге, религиозных ценностях. Вольтер настойчиво пытается навязать своему молодому корреспонденту деистические взгляды. Он опирается на телеологическое «доказательство» бытия бога и внушает Гельвецию мысль о «естественности» и неопровержимости этого «доказательства» существования «разумного творца — перво двигателя».

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, несмотря на огромное уважение к Вольтеру, Гельвеций крити-

³ *Helvétius. Notes de la main.* Paris, 1907, p. 5.

чески отнесся к деистическим взглядам учителя. Уже первые литературные произведения Гельвеция показали, что в области как политических, так и философских взглядов он занял более радикальные позиции, чем Вольтер. Расхождение было обусловлено тем, что Вольтер выражал умонастроения верхушечных слоев французской дореволюционной буржуазии, а выступавшие в 40-х годах на арене идеологической борьбы Дидро, Гельвеций и их соратники отстаивали интересы основных масс буржуазии, склонных вести более радикальную борьбу против феодализма и феодально-клерикального мировоззрения.

Весьма значительным оказалось влияние на формирование мировоззрения Гельвеция в целом и его социологических взглядов в особенности социально-политических идей Монтескье. Из сказанного не следует, что Гельвеций остался «учеником Монтескье», как полагал Гримм⁴. В области социально-политических взглядов Гельвеций пошел несколько иными путями и пришел к выводам и характеристикам другого порядка, чем Монтескье.

Во время своих служебных поездок Гельвеций гостил в Ля-Бред у Монтескье, который к этому времени уже написал «Персидские письма», «Рассуждения о причинах возвышения и упадка римлян» и трудился над работой «О духе законов». Монтескье радушно встречал молодого Гельвеция. По свидетельству Сен-Лабера, Гельвеций был убежден в том, что в лице Монтескье наука имеет «вождя законодателей», а тот в свою очередь догадывался, как далеко пойдет его друг в своих научно-философских поисках⁵. Гельвеций принадлежал к небольшому числу людей, которым Монтескье показал работу «О духе законов» в рукописи. Восторгаясь идеями этого произведения, Гельвеций в письме к Монтескье, относящемся к 1749 году, не утаил от автора свою неудовлетворенность многими его констатациями и прогнозами. Гельвеций отчетливо уловил примиренческие тенденции Монтескье по отношению к феодализму. Монтескье не шел дальше идеала ограничения прав и власти феодального сословия. Гельвеций же уже к концу 40-х годов мечтал о полной ликвидации господствующего паразитического сословия.

30-е и 40-е годы не были для Гельвеция временем лишь освоения обширных знаний, сближения и переписки с выдающимися деятелями передовой антифеодальной культуры дореволюционной Франции. В эти годы им был написан ряд произведений, в которых можно найти наброски многих основных идей его последующих работ: «Счастье», «Об уме», «О человеке, его умственных способностях и его воспитании».

Один из первых литературных опытов Гельвеция — «Послание о любви к знанию» (1738). В духе основных идей эпохи Возрождения и эпохи Просвещения Гельвеций воспекает разум, его неограниченные творческие возможности, чтобы утвердить счастье людей; выступает против невежества и предрассудков, против туманных и ложных идей, которые не дают возможности человеку познать себя, поверить в свои силы, действовать во имя разумных социальных устоев на земле. Гельвеций отвергает аскетический идеал, презрение к чувственным радостям и невзгодам. Он восторженно пишет о человеческих страстях как деятельной силе огромного напряжения. Но условием превращения страстей в созидательную силу Гельвеций считает их повиновение разуму. Искусственно управляемый огонь, пишет Гельвеций, породил тысячи чудес, такими же являются руководимые разумом страсти.

В «Послании о любви к знанию» Гельвеций воздерживается от прямых нападок на религию и церковь. В нем нет также открытой критики деспотизма и господствовавших во Франции социально-политических отношений и институтов.

«Послание об удовольствии», по всей вероятности, первоначально написанное в том же 1738 году и доработанное позднее в связи с работой над поэмой «Счастье»⁶, знаменует дальнейшую радикализацию философских и политических взглядов Гельвеция. Судя по этому доработанному варианту, Гельвеций попытался реализовать ряд важных мыслей о причинах общественного развития, сформулированных в «Записных книжках». Речь идет в первую очередь о роли себялюбия в поведении отдельного человека и больших групп людей. Гельвеций развивает идеи Ларошфуко, изложенные в его «Максимах и моральных размышлениях», и в первую очередь мысль о том, что

⁴ Correspondance littéraire, philosophique et critique, Grimm, Diderot etc., t. VII. Paris, p. 94.

⁵ Saint-Lambert J. F. Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvétius, p. 8.

⁶ В некоторых ранних изданиях поэмы «Счастье» «Послание об удовольствии» фигурирует в качестве V песни поэмы.

себялюбие является основным побудителем людей к деятельности. Но в отличие от автора «Максим...» молодой Гельвеций уже в «Послании об удовольствии» усматривает в себялюбии не только источник зла, но и источник добродетели. В «Послании...» Гельвеций дает наброски мыслей, которые станут впоследствии ведущими в его социологической концепции. Мы имеем в виду убеждение в том, что при разумно организованных общественных отношениях возможно правильное сочетание личного интереса с интересом всего общества.

В «Послании об удовольствии» немало смелых антифеодалных мыслей. Так, Гельвеций резко осуждает насильственно установленное право собственности, под которым он в первую очередь, конечно, имеет в виду феодальную собственность. «Нет собственности, — пишет он, — которая не была бы результатом кровавого насилия»⁷. Гельвеций высказывается против абсолютной власти, где одни являются тираниями, другие — рабами. Гельвеций считает правильной мысль, согласно которой поработенные, стремясь восстановить нарушенный общественный договор, имеют право низвергать деспота. В «Послании...» приводится поучительный пример: доведенные до отчаяния подданные врываются во дворец и закалывают деспота. Гельвеций бросает многозначительную фразу, что если сила была правом деспота, то бессиле есть его вина. В рассматриваемой работе Гельвеций выступает также против духовенства, которое домогается власти и богатства с помощью фантастических измышлений, предназначенных для обмана возможно большего числа людей.

В «Послании о надменности и лени ума», написанном, по всей вероятности, в 1740 году, Гельвеций с большой смелостью критикует религиозное и идеалистическое мировоззрение. Он осмеивает идею бога-творца, который по подобию паука создает материальный мир из своей собственной субстанции. Нелепым считает Гельвеций учение о провиденциализме, о господстве фатума в истории. Весьма определенно он отвергает философию Мальбранша, чтобы с той же решительностью поддержать сенсуализм Локка. Особо острым нападкам в «Послании...»

подвергается философия Платона. Исходный порочный принцип платонизма Гельвеций усматривает в допущении существования идей в отрыве от их материальной основы. Французский философ отвергает утверждение Платона о том, что непротяженная душа является источником движения, что она неделима и бессмертна. Сражается Гельвеций и против тех, кто пытается укрыть от разума сущность вещей. Он пишет, что если горделивость разума породила платонизм, то лень разума является источником пирроизма, агностицизма.

Следует сказать несколько слов о другом стихотворном послании — «Послании о ремеслах», написанном, по всей вероятности, в начале 40-х годов. В этом произведении Гельвеций отмечает важнейшую роль развития ремесел в социальном прогрессе, усовершенствовании нравов, государственной организации и т. п. Здесь явно сказываются попытки научного объяснения истории, которые примут более рельефный характер в книгах «Об уме» и «О человеке...».

В отличие от Руссо, который в «Рассуждениях о науках и искусствах» (1750) высказывал мысль об отрицательном влиянии развития цивилизации, науки и промышленности на нравы людей, Гельвеций придерживался совершенно иного взгляда. Науки, ремесла, торговля, по Гельвецию, неповинны в том, что в определенных условиях наперекор своей природе и призванию они могут привести к весьма вредным для человечества последствиям. По глубокому убеждению Гельвеция, вина здесь ложится не на науку, ремесла, торговлю, а на неразумные социальные порядки, на дурное законодательство, которое противоречит «природе человека» и способно самые великие достижения человеческого ума обратить против человека.

Для полноты картины творчества молодого Гельвеция нужно упомянуть также ряд фрагментов незаконченных посланий — «О суеверии», «О себялюбии» и «О роскоши». Можно сказать, что в этих фрагментах нет существенно новых идей по сравнению с отмеченными нами стихотворными посланиями Гельвеция. Они временами лишь углубляют и развивают некоторые ранее высказанные идеи молодого философа.

Особо нужно остановиться на поэме «Счастье», которая относится к числу основных произведений мыслителя. Над поэмой Гельвеций работал с длительными пере-

⁷ Oeuvres complètes d'Helvétius. Nouvelle édition, t. III. Paris, 1818, p. 158.

рывами с 1741 по 1751 год. Автор поэмы поставил перед собой задачу раскрыть сущность человеческого счастья и пути его достижения. Остов поэмы «Счастье» составляли уже рассмотренные нами идеи философа.

Отвергая ложное понимание счастья господствующим феодальным сословием, Гельвеций дал уничтожающую критику его образа жизни, бесцельного ее проживания, паразитизма и тунеядства, жадного домогательства всех чувственных наслаждений. Гельвеций отвергает вульгарный гедонизм, который неотделим от агрессивного индивидуализма. Отвергает он также аскетическое отношение к жизни, стоическое принятие всех ее невзгод и несправедливостей, пассивное приспособление к существующему положению вещей. В горделивом презрении к истинным человеческим удовольствиям, к радости и страданиям Гельвеций усматривает нечто фальшивое и обманчивое, рассчитанное лишь на внешний эффект.

Вслед за опровергаемым ложным пониманием счастья Гельвеций должен был сформулировать положительный идеал счастья. Но то, что он сказал по этому вопросу в третьей песне поэмы «Счастье», не отличалось ни оригинальностью, ни особым новаторством. Гельвеций еще не идет дальше утверждений, согласно которым счастье дается знанием и господством человека над необходимыми чувственными удовольствиями. Знание ведет к счастью и совпадает с ним. По существу Гельвеций воспроизводит идеал умеренного эпикуреизма, и не случайно Лукреций поставлен им во главе всех поэтов.

Позднее, уже после написания своих основных трудов — «Об уме» и «О человеке...», Гельвеций, как бы чувствуя логическую и идейную незавершенность своих суждений о счастье, создал IV песню поэмы, где поставил вопрос о необходимости сочетания личного счастья с общественным.

Изучение раннего периода творчества Гельвеция показывает несостоятельность попыток представить важнейший труд Гельвеция «Об уме» чем-то наспех скомпилированным из различных мыслей, афоризмов и парадоксов, усвоенных им в литературных и философских салонах Парижа, а самого Гельвеция — неоригинальным умом, движимым более тщеславием, чем серьезным интересом к философии. Эти измышления превратились в нечто само собой разумеющееся в реакционной буржуазной

историко-философской литературе⁸. Добросовестное изучение ранних трудов Гельвеция свидетельствует о том, каков был истинный процесс формирования идей, нашедших отражение в работах «Об уме» и «О человеке...», как вынашивались эти идеи Гельвецием в течение долгих лет, как протекало становление учения Гельвеция о роли материального интереса в общественном развитии, как складывалась его утилитаристская этика.

Изучение раннего периода творчества Гельвеция показывает неправильность утверждения известного буржуазного исследователя жизни и творчества французского мыслителя Альберта Кейма о том, что будто бы, приступая к писанию книги «Об уме», Гельвеций не был ни материалистом, ни атеистом⁹. В действительности за много лет до написания книги «Об уме» Гельвеций преодолел узкие границы деизма и отстаивал в своих философско-поэтических посланиях материалистические и атеистические взгляды. Правда, материализм и атеизм не получили еще в работах молодого Гельвеция достаточного обоснования и развития, но их наличие бесспорно.

Отказавшись от должности генерального откупщика, Гельвеций переехал в принадлежащее ему поместье Воре. Здесь, в деревенской тиши, он упорно работал над созданием книги «Об уме», которой было суждено стать одним из выдающихся произведений французского материализма XVIII века.

Книга создавалась в обстановке роста и углубления неразрешимых противоречий феодального строя. Деревня продолжала деградировать под гнетом тяжелых феодальных повинностей и поборов. Огромные массы спасались бегством в города, где их ожидала не лучшая участь. По свидетельству д'Аржансона, только «с 20 января по 20 февраля 1753 г. в Сент-Антуанском предместье насчитывалось *восемьсот* несчастных, умерших от голода»¹⁰.

Феодальные отношения продолжали сковывать французский капитализм, но последний вопреки всем феодальным рогаткам и регламентам продолжал овладевать командными высотами в экономике и подготавливал грядущую победу в сфере политического управления.

⁸ Demogéot J. C. Histoire de la littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, 1866, p. 493.

⁹ Keim A. Helvétius, sa vie et son oeuvre. Paris, 1907, p. 144—145.

¹⁰ См. Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке, с. 180.

В 50-х годах, когда Гельвеций трудился над своей книгой, борьба против религиозного мировоззрения велась не одиночками, а достаточно спаянной «партией философов», которая имела свои идейные центры, признанных вождей, организации по печатанию и распространению «опасных» книг. Знаменитая «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусства и ремесел» объединила выдающихся представителей дореволюционной антифеодалной интеллигенции. В создании этого великолепного памятника эпохи приняли участие Монтескье, Бюффон, д'Аламбер, Руссо, Гольбах, Кенэ, Тюрго, Мармонтель и многие другие блестящие умы французского Просвещения. Душой и организатором «Энциклопедии», которая осуществила теоретическую переоценку всех областей знания с позиции нового, тогда революционного буржуазного мировоззрения, был, как мы уже отметили, мудрый и мужественный Дидро.

В рассматриваемое время находились в расцвете сил и создавали свои произведения Вольтер, Руссо, Дидро, Мабли и многие другие французские просветители. Одни из них сумели подняться до материализма и атеизма, другие не шли дальше деизма. Для одних конституционная монархия английского типа казалась идеалом общественного устройства, для других, как для Руссо, высшей целью представлялось установление народоправия. Часть просветителей — а их было большинство — восхваляли «честно приобретенную» частную собственность, другие ратовали за равное распределение этой собственности. Были и сторонники утопического социализма, которые в принципе отвергали всякую форму частной собственности. Эти разногласия, отражавшие унастроения различных социальных групп «третьего сословия», не снимали вопроса об объединении сил для изменения существующего порядка, для борьбы против ненавистного деспотизма и господствующей церкви.

Гельвеций четыре месяца в году проводил в Париже, поддерживал личные контакты с вождями просветительского движения. Позднее еженедельно по средам он принимал у себя своих друзей и единомышленников, обсуждал с ними жгучие вопросы политики, экономики, философии, литературы. Здесь, в среде лучших умов дореволюционной Франции, проверялись и отшлифовывались мысли, которые позднее нашли свое место на страницах книги «Об уме».

В августе 1758 года эта книга увидела свет вполне легальным способом. Незадачливый цензор Терсие писал, что он не нашел в книге ничего такого, что могло бы помешать ее опубликованию. Но вскоре грянула настоящая буря. Начались самые злобные нападки защитников старого режима на Гельвеция и его мятежную книгу. Исключительная враждебность, с которой было встречено ретроградами появление работы «Об уме», объясняется не только ее радикализмом, но и политической обстановкой, сложившейся во второй половине 50-х годов.

Гельвеций был ошеломлен угрожающим тоном статей как иезуитов, так и яansenистов. Он был охвачен мыслью бежать из Франции, следуя примеру Вольтера и Ламетри, но под давлением близких отказался от этой мысли и стал подписывать отречения от своей книги одно за другим.

1 сентября 1758 года книга была осуждена Сорбонной, которая выдвинула против работы Гельвеция свыше ста обвинений. Она была предана анафеме со стороны парижского архиепископа Кристофа де Бомона, а затем и папы римского Климента XIII. Парижский парламент приговорил книгу Гельвеция к сожжению рукой палача вместе с другими просветительскими работами, в частности с книгой Вольтера «Естественная религия». Вслед за этим было опубликовано много бездарных, пошлых и злобных писаний против Гельвеция, в защиту деспотизма и церкви.

Неодинаковой оказалась реакция просветительских кругов на книгу «Об уме». Отдавая дань уважения Гельвецию — человеку и талантливому писателю, искренне возмущаясь гонениями, выпавшими на его долю, Вольтер, Руссо, д'Аламбер, Тюрго, Мармонтель в то же время с разных идейных позиций критиковали основные идеи работы Гельвеция. Все названные здесь просветители не разделяли материалистических и атеистических убеждений автора гонимой книги. Они возражали против последовательного материалистического толкования им сенсуализма Локка. Для многих неприемлемым было учение Гельвеция о равенстве умственных способностей людей, о формирующей роли среды по отношению к личности. Особо острой критике подвергалась утилитаристская этика Гельвеция, его основная идея — рассматривать личный интерес как движущую силу социальных трансформаций.

Особо нужно сказать об отношении Дидро — материа-

листа и атеиста — к своему единомышленнику Гельвецию. Дидро писал, что книга «Об уме» — произведение выдающегося человека, выражал уверенность, что труд Гельвеция будет причислен к великим книгам века. Одновременно Дидро, как непосредственно после выхода «Об уме», так и в особенности позднее, в работе «Систематическое опровержение книги Гельвеция «О человеке»», выложил ряд критических замечаний в адрес своего друга и соратника. Если внимательно вчитаться в критику Дидро, то нетрудно будет заметить, что «Систематическое опровержение» Гельвеция есть, конечно, не опровержение его материализма и атеизма, утилитаристской концепции, а критика крайностей, односторонних констатаций, преувеличений и т. п.

Утешительным было для Гельвеция то обстоятельство, что даже в период свирепых гонений на него появились анонимные работы в защиту запрещенной и сожженной рукой палача книги. Вопреки преследованиям, а в какой-то степени благодаря им идеи Гельвеция широко распространялись и стали предметом страстных обсуждений. Гельвеций нашел друзей и в России. В письме к гонимому философу президент Петербургской академии художеств И. И. Шувалов относил его книгу к выдающимся произведениям человеческой мысли.

Через несколько лет Гельвеций начал работу над другой своей знаменитой книгой — «О человеке. . .». Он много читал, проверял и перепроверял свои мысли, продолжал общаться с друзьями и единомышленниками, изучал ход событий во Франции и в других странах.

В 1764 году Гельвеций посетил Англию, был представлен королевской семье, установил личные связи с видными английскими деятелями науки и искусства. Отдавая должное относительно более демократичному законодательству Англии, Гельвеций был далек, однако, от идеализации английских порядков. В недостатках этих порядков он еще больше убедился, получив возможность непосредственно ознакомиться с современной ему Англией. Главный порок социально-политического строя Англии Гельвеций видел в том, что он узаконивает и охраняет права и преимущества феодальной знати.

Вскоре король Пруссии через посредство Гримма пригласил Гельвеция обосноваться в Пруссии или по крайней мере посетить ее. Гельвеций ограничился лишь посещением страны, где был принят в пику французскому двору

особенно торжественно. Показной либерализм Фридриха не был серьезно воспринят Гельвецием. Не увенчались успехом и его попытки содействовать франко-прусскому сближению в целях защиты Франции от возможной английской агрессии.

Вернувшись на родину, Гельвеций уединился в своем поместье и напряженно работал над книгой «О человеке. . .», которую завершил в середине 1769 года. Письма Гельвеция этого периода свидетельствуют о том, что философ был полон решимости опубликовать свой труд при жизни под псевдонимом, как это делали Гольбах и просветители. Но видимо, разгул реакции устранил Гельвеция и удержал его от рискованного шага. Отказался он также от издания своей книги на английском языке в Лондоне. В письме к Юму, написанном в 1770 году, Гельвеций сообщает, что гонения на передовых мыслителей становятся все более суровыми. «Влияние священников, — сообщает он, — возрастает. И хотя они являются врагами парламентов, но последние охотно готовы доставить им удовольствие пролитием крови нескольких философов, не дожидаясь даже каких-нибудь доказательств»¹¹.

Теоретически допуская восстание как средство уничтожения деспотизма, Гельвеций, как и многие другие буржуазные просветители, не скрывал своего страха перед вооруженным народом. Как же в таком случае обновить Францию, вывести ее на путь социального прогресса? Отвечая на этот вопрос, многие представители дореволюционной буржуазной интеллигенции делали ставку на широкое просвещение людей. Об этом же много писал и Гельвеций. Но можно ли в условиях господствующих деспотических порядков, вселилия католической церкви, бедственного положения огромных масс страдающих людей сделать просвещение столь действенным оружием обновления общества? Этот вопрос все чаще и чаще вставал перед Гельвецием в последний период его жизни и порождал нескрываемые пессимистические настроения. Так, в письме к Вольтеру философ выражал сомнение в силе просвещения, в его способность вытеснить из сознания масс религию.

Гельвеций скончался 26 декабря 1771 года. Перед смертью он отказался от примирения с церковью, оставшись верным своим философским убеждениям. Смерть

¹¹ Oeuvres complètes d'Helvétius. Nouvelle édition, t. XIV, p. 39.

Гельвеция глубоко опечалила всех борцов против деспотизма и феодальной реакции. В 1772 году была опубликована в Лондоне его поэма «Счастье», последняя песня которой, как было сказано, отражала умонастроения философа последних лет его жизни. В том же году в Гааге усилиями русского посланника Д. А. Голицына была посмертно издана работа Гельвеция «О человеке...».

Книги Гельвеция «Об уме» и «О человеке...» относятся к числу фундаментальных произведений французского материализма XVIII столетия, который заявил о своем рождении «Завещанием» Мелье и получил дальнейшее развитие в работах Ламетри, Дидро, Гольбаха и их последователей.

Как мы уже отмечали, французский материализм XVIII века резко выступил против идеализма, спиритуализма и мистики. Он попытался, опираясь на научные достижения века, объяснить мир, не выходя за его пределы, не мистифицируя его, не прибегая к идее сверхъестественного. Эта философская позиция целиком и полностью разделялась и Гельвецием. Попытки ряда исследователей доказать обратное несостоятельны. Достаточно для восстановления истины показать необоснованность стремлений А. Кейма представить Гельвеция позитивистом, который будто бы «в книге «Об уме» не будет пытаться решать проблему о начале»¹².

На чем основана эта версия о позитивизме Гельвеция, получившая распространение в буржуазной историко-философской литературе? Дело в том, что Гельвеций для отвода глаз иногда заявляет, что для его концепции безразлично, является мышление модификацией материальной или духовной субстанции. Но само собой разумеется, определяющими являются не эти «душеспасительные» оговорки, а подлинная, принципиальная позиция, отстаиваемая философом. А эта позиция явно материалистическая.

Забегая несколько вперед, отметим, что Гельвеций был охвачен желанием создать социологическое и этическое учение на базе материалистического сенсуализма. Уже одно это обстоятельство не могло не предопределить его интерес к теоретико-познавательным вопросам, хотя и не они составили сердцевину его философии.

Мы говорили об исключительном интересе Гельвеция

¹² Keim A. Helvétius, savie et son oeuvre, p. 143.

к Локку уже в молодые годы французского философа. Со временем Гельвеций лучше улавливает противоречия философии Локка, его попытки примирить материализм и идеализм, эмпиризм и рационализм. Борясь против теоретически врожденных идей, Локк доказывал, что все представления и понятия имеют своей основой чувственные ощущения. Но наряду с чувственным, внешним опытом Локк, как известно, допускал рефлексию, внутренний опыт, считая его самостоятельным источником знания. Таким образом, вопреки исходному сенсуалистическому принципу о чувственном происхождении всех представлений и понятий Локк прибегал к внутреннему опыту, объектом которого он считал самодеятельность души.

Преодолевая непоследовательность и противоречивость теории познания Локка, Гельвеций стремится вывести даже наиболее абстрактные понятия из ощущений и не наделять разум сверхъестественной, мистической способностью творить «чистую мысль» вне чувственного опыта. «...У человека, — пишет Гельвеций, — все сводится к ощущению... следовательно, физическая чувствительность есть первоисточник его потребностей, его страстей, его общительности, его идей, его суждений, его желаний, его поступков... наконец, если все можно объяснить физической чувствительностью, то бесполезно допускать наличие у нас еще других способностей»¹³.

Отрицание локковского «внутреннего опыта», обстоятельное доказательство возникновения идей из данных ощущений, а самих ощущений из воздействия внешних вещей является одной из важных заслуг французских материалистов XVIII века, и в частности Гельвеция. Не случайно все идеалисты, писавшие о Гельвеции, расценивают отказ французского философа от локковской рефлексии как начало его «грехопадения» и «разрыва» с философией. Один из первых критиков Гельвеция, Лагарп, выражал свое «благочестивое» возмущение ссылкой на то, что автор книги «Об уме» игнорирует наличие в процессе мышления некоего начала, абсолютно автономного и от ощущений, и от материи. На вопрос, что оно собой представляет, Лагарп отвечал, что это неизвестно. Но из дальнейших его рассуждений мы узнаем, что это мистическое начало по своей непопознаваемости не только сходно с божественным началом, но и сливается с ним.

¹³ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 78.

Философия Гельвеция, как и французский материализм XVIII века в целом, есть продолжение и углубление материалистических идей эпохи Возрождения, теоретической мысли Бэкона, Гоббса, Локка, Декарта и других представителей антифеодальной идеологии, которые прямо или косвенно, с большей или меньшей смелостью и последовательностью пытались вытеснить вымышленное, сверхъестественное начало из объяснений природы, человека, человеческого сознания и истории. Это вполне соответствовало историческим целям и задачам восходящей буржуазии, которая была заинтересована в научном познании мира, в отщеплении религиозного мировоззрения, мртвящей схоластики, идеалистических догм.

Чтобы вытеснить полностью способ мышления, основанный на абстрактно-рационалистических, априорных построениях, оторванных от реальной жизни и извращающих ее, Гельвеций с особой настойчивостью апеллирует к сенситивному познанию, рискуя даже уклониться в сторону крайнего эмпиризма. Он убежденный защитник чувственного начала, которое так высокомерно было отвергнуто в абстрактно-рационалистических философских системах. Восстановление в своих правах чувственного начала Гельвеций считал условием построения новой, жизнеутверждающей, реалистической философии, апеллирующей к природе и человеку, а не к трансцендентным, иллюзорным началам и силам. Он с порога отвергает умозрительно-схоластическую философию, которая тщетно пытается постичь истину, игнорируя чувственное познание. «Схоласты, — пишет Гельвеций, — уверяют, будто они могут без помощи чувств проникнуть в царство разума. Но эти горделивые Сизифы катят в гору камень, который непрерывно скатывается на них обратно. Каковы плоды их пустых словоизвержений и вечных споров? Что можно найти в их огромных фолиантах? Поток слов в пустыне идей»¹⁴.

Как и все представители материализма XVII—XVIII веков, Гельвеций пошел по линии констатации самого по себе бесспорного факта возникновения человеческого знания из опытного, чувственного познания. Этот материалистический эмпиризм явился реакцией на религиозно-схоластическую концепцию мира, на односторон-

ний рационализм и сыграл важную роль в становлении опытных наук.

Но эмпиризм вообще и эмпиризм Гельвеция в частности как философский метод не ограничился защитой опытного знания. Если рационализм игнорировал чувственное познание, то эмпиризм, впадая в другую метафизическую крайность, принижал роль теоретического мышления, роль научных абстракций. Вслед за Локком, разорвав диалектическое единство общего и особенного, Гельвеций пытается представить абстрактные понятия как простую сумму ощущений. «...Любая идея, — пишет он, — может всегда быть сведена в конечном анализе к физическим фактам или ощущениям»¹⁵.

Сведение всех умственных операций к ощущениям, ограничение роли ума лишь способностью наблюдать сходства и различия между предметами, игнорирование активной роли мышления в переработке данных чувственного познания в логические понятия не могли не придать теории познания Гельвеция ту созерцательность, которая является характерной особенностью всего домарксовского материализма. Одно уже определение Гельвеция, гласившее, что философия должна следовать за опытом и останавливаться там, где останавливается опыт, содержало в себе консервативный момент. Это определение оборачивалось против смелого полета мысли, против научной гипотезы, против научного предвидения.

Нельзя сказать, что Гельвеций не чувствовал в определенной степени темные стороны абсолютизации эмпирического метода исследования. Об этом, по нашему мнению, свидетельствует то, что он наряду с истинами очевидными, полученными эмпирическим путем, допускал истины вероятные, образованные с помощью абстрагирования и умозаключения. Нетрудно догадаться, что предпочтение Гельвеций отдавал истинам, полученным опытным путем. Что касается вероятных истин, то мыслитель признавал за ними частичную познавательную ценность. Это была уступка, которая делалась эмпириком Гельвецием рационализму.

Тенденции Гельвеция к крайнему сенсуализму встретили критику в различных течениях французского Просвещения. Особо острую реакцию породили попытки философа доказать, что память есть ослабленное ощущение,

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 62.

так же как суждение является утверждением тех или иных ощущений. Полемизируя с Гельвецием, Руссо с идеалистических позиций стремился доказать существование некоей совершенно независимой от физической чувствительности силы, которая заставляет человека судить, т. е. сравнивать предметы. Иной характер носила критика Дидро. Будучи материалистом-сенсуалистом, он был согласен с Гельвецием в том, что все наши знания имеют опытное, чувственное происхождение, но возражал против отождествления мышления и ощущения. Полемизируя с Гельвецием, Дидро пытался в какой-то степени преодолеть разрыв между эмпиризмом и рационализмом, выявить внутреннюю связь между чувственным и логическим познанием, их взаимосвязь и взаимообусловленность¹⁶.

Мы остановились на сильных и слабых сторонах сенсуализма и эмпиризма в трактовке Гельвеция. Теперь рассмотрим решение в философии Гельвеция основного вопроса философии — вопроса об отношении материи и сознания.

Мимо внимания Гельвеция не прошел тот факт, что Локк не всегда однозначно подчеркивал детерминированность ощущений внешними, независимо от сознания существующими вещами. При такой неопределенности сенсуализм мог ужиться как с материализмом, так и с субъективным идеализмом. И действительно, Беркли и Дидро, опираясь на сенсуализм, пришли к взаимноисключающим философским концепциям.

Гельвеций материалистически решил основной вопрос философии. Первичность материи и вторичность сознания являются для него аксиоматическим исходным положением, не нуждающимся в сложной системе доказательств. Гельвеций не может даже себе представить возникновение ощущений без внешних вещей. Ему совершенно чуждо учение, которое рассматривает ощущения в качестве модификации души и допускает возможность их возникновения без воздействия вещей на органы чувств. Нет ощущений без внешних вещей и их воздействия на органы чувств — такова исходная материалистическая позиция Гельвеция. Он говорит о существовании двух способностей, о двух силах, присущих человеку. «Одна —

способность получать различные впечатления, производимые на нас внешними предметами; она называется *физической чувствительностью*. . . Другая — способность сохранять впечатление, произведенное на нас внешними предметами. Она называется *памятью*, которая есть не что иное, как дрящееся, но ослабленное ощущение»¹⁷.

Мы отметили уже неприемлемость этого понимания памяти. Здесь же подчеркнем безоговорочно материалистическое решение Гельвецием вопроса об отношении бытия и сознания. Материалистическое толкование сенсуалистического принципа является общепризнанным для всего французского материализма XVIII века, начиная с Мелье.

Подобно всем другим французским материалистам, Гельвеций рассматривает познание как адекватное отражение внешнего мира человеческим сознанием. Чувственный образ для него не условный знак, а копия вещи. «. . . Род наших идей и наших картин, — пишет он, — не зависит вовсе от природы нашего ума — одинакового у всех людей, а от того вида предмета, который случай запечатлевает в нашей памяти. . . »¹⁸ Адекватность образа предмета самому предмету Гельвеций считает важнейшим условием возможности существования людей. «. . . Если бы, — пишет он, — наш сосед видел квадрат там, где мы видим круг; если бы молоко казалось белым одному и красным другому; и, наконец, если бы некоторые люди видели вместо розы репейник, а вместо красавиц Эгмонт и Форкалькье двух уродов, то люди не могли бы понимать друг друга и взаимно сообщать друг другу свои мысли. Но фактически они понимают друг друга и взаимно сообщают свои идеи. Следовательно, одни и те же предметы вызывают в них приблизительно одни и те же впечатления»¹⁹.

Удары Гельвеция были направлены не только против субъективного, но и против объективного идеализма. Французский мыслитель отчетливо противопоставляет философию Демокрита философии Платона, безоговорочно защищая линию материализма и столь же решительно отвергая линию объективного идеализма. Сравнивая си-

¹⁷ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 148.

¹⁸ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 89.

¹⁹ Там же, с. 85.

¹⁶ См. Дидро Д. Собр. соч., т. II, с. 146 и дальше.

стемы Демокрита и Платона, Гельвеций констатирует: «Первый постепенно поднимается от земли к небу, второй постепенно снижается с неба на землю. Система Платона поконится на облаках: дыхание разума уже отчасти разогнало эти облака, а с ними рассеяло и систему»²⁰. В письме к Дютану Гельвеций утверждает, что восхождение Демокрита от земли к небу является наиболее верным способом восхождения²¹.

Гельвеций весьма отчетливо уловил внутреннюю логическую связь между объективным идеализмом, исходящим из наличия духовных сил, первичных по отношению к материи, и религией. Неприятие, отрицание религии было неотделимо у Гельвеция от отрицания всех форм идеализма, субъективного и объективного. Это полное отрицание идеализма в области понимания природы было связано с твердым убеждением философа в том, что сознание есть свойство особо организованной материи и не может быть чем-нибудь иным.

Следует специально остановиться на решении Гельвецием вопроса о способности сознания постигнуть сущность явлений, правильно воспроизвести их взаимоотношения. Интерес к этой проблеме обостряется и тем, что в историко-философской литературе распространено мнение, будто бы эмпиризм французских материалистов XVIII века, в том числе Гельвеция, предопределял их агностическую позицию. Агностиком считал Гельвеция, например, А. Кейм. Сходные оценки с теми или иными оговорками можно встретить в ранних работах академика А. М. Деборина. Так, в статье «Диалектический материализм» А. М. Деборин приписывал французскому материализму XVIII века взгляд, согласно которому познаваемы лишь некоторые свойства вещей, между тем как сама их «сущность», или «природа», скрыта от человека и не вполне познаваема для него. Это утверждение Деборина, его попытки приписать французскому материализму «разбавленный» агностицизм кантовского толка встретили решительное возражение со стороны В. И. Ленина²².

Более настойчиво версия об агностицизме Гельвеция

отстаивалась в работе С. Данелиа «Опыт исследования теории нравственности Гельвеция»²³.

Изучение работ Гельвеция свидетельствует о том, что отдельные его высказывания о трудности раскрытия сущности явлений никогда не доходили до принципиального отрицания возможности познания этой сущности. Напротив, Гельвеций уверен, что все в мире связано и что незнание всегда вынуждено уступать огромным, хотя и незаметным, успехам просвещения, которые он сравнивает с тонкими корнями, проникающими в расщелины скал, разбухающими там и раздробляющими их.

Вера в «правильность человеческого ума», в его способность проникнуть во все тайны бытия и тем самым сделать человека могучим — этот восторженный познавательный оптимизм передовых французских мыслителей XVIII века полностью разделялся и Гельвецием. Речь может идти не об агностицизме Гельвеция, если не злоупотреблять отдельными выхваченными из контекста фразами, а о совершенно противоположном — о достаточно еще наивной вере в возможность абсолютного, полного и исчерпывающего познания. Это ошибочное представление Гельвеция обусловлено тем, что диалектика относительной и абсолютной истины была еще ему недоступна, что, впрочем, характерно для всего домарковского материализма. Понимание познания как противоречивого про-

²³ С. Данелиа сделал попытку сблизить взгляды Гельвеция с феноменализмом и агностицизмом кантовского толка. «В решении проблемы сознания, — писал Данелиа, — Гельвеций обнаруживает свою зависимость от эмпиристической философии. По его мнению, принцип душевных явлений скрыт от нас. Мы не можем познать движущее начало психической жизни, и никакое доказательство, имеющее целью выяснить, есть ли это начало материальная или духовная субстанция, не может возвыситься до степени достоверности» (Данелиа С. Опыт исследования теории нравственности Гельвеция, ч. 1. Тбилиси, 1922, с. 33). Эти утверждения основываются на двух явных недоразумениях. Первое из них заключается в том, что С. Данелиа не различает материалистический и идеалистический эмпиризм. Всякий эмпиризм, по его мнению, по необходимости является идеалистом и агностиком. Вторая ошибка заключается в том, что Данелиа цитирует явно идеалистическую работу «О познании нашей души» («De la connaissance de notre âme»), которая не принадлежит Гельвецию, хотя и фигурирует в некоторых ранних собраниях его сочинений. Лефевр Ларош — многолетний литературный сотрудник Гельвеция, его душеприказчик, прекрасно знавший литературное наследие своего друга, — не включил названную работу в изданное им в 1795 году собрание сочинений Гельвеция.

²⁰ Там же, с. 125.

²¹ Это письмо написано Гельвецием 26 ноября 1771 года, за несколько недель до смерти философа.

²² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 529.

цесса является достоянием диалектического мышления. Гельвеций и его единомышленники в XVIII веке могли лишь высказать отдельные правильные догадки.

Гельвеций пристально изучал причины заблуждения ума, искал их в страстях, незнании фактов, неправильном постижении смысла слов и т. п. Он приходил к выводу, что «ложные суждения являются следствием случайных причин... все люди наделены в сущности правильным умом»²⁴.

Не ссылаясь на Бэкона, Гельвеций воспроизводил и отстаивал его учение о призраках «рынка» и «театра», под которыми английский мыслитель преимущественно подразумевал заблуждения ума, вызванные неправильным употреблением слов и слепым преклонением перед авторитетами. Одновременно Гельвеций безоговорочно отвергал призраки «рода» и «пещеры», которые выводились Бэконом из естественных свойств ума. Гельвеций отвергал допущение врожденных недостатков человеческого ума. Если Бэкон в конечном счете выводил призраки «рода» и «пещеры» из несовершенства органов чувств и мозга и заключал, что эти призраки «относятся к человеку, а не к миру», то совершенно иными являются по этому вопросу суждения французского философа. Гельвеций исходил из того, что познавательные способности мозга и органов чувств в состоянии обеспечить достижение истины. Источник заблуждений он искал не в познавательных возможностях человеческих чувств и интеллекта, а во внешней социальной среде человека, в условиях жизни, которые мешают познавательным человеческим органам избежать заблуждений и постичь истину. Заблуждения порождаются и поддерживаются, утверждал французский философ, деспотической властью, церковной организацией, несметным числом некоронованных деспотов-феодалов, которые кровно заинтересованы в обмане и дезориентации широких масс народа.

Трудно переоценить революционную суть такой постановки и решения теоретико-познавательных проблем Гельвецием и его единомышленниками. Гельвеций констатировал реакционность и бесплодность аристократической мысли своего времени. Интеллектуальный потенциал господствующего сословия, показывая он, нацелен против духовного и социального совершенствования. «Не вель-

можам, — писал Гельвеций, — обязаны мы открытиями в области искусств и наук, не их рука начертала планы земли и неба, построила корабли, воздвигла дворцы... Если бы нас поддерживал на этом пути только ум власть имущих, мы не имели бы ни хлеба для пропитания, ни ножиц, чтобы стричь ногти»²⁵.

Проблема интереса занимает важнейшее место в философии Гельвеция. Личный и групповой интересы являются, по его глубокому убеждению, регуляторами поведения людей на всех этапах их существования. Мы еще будем иметь возможность показать основы утилитаристской этики и социологии Гельвеция. Здесь же важно отметить, что принцип интереса Гельвеций привлекает также для объяснения хода мыслей людей, ложности или истинности этих мыслей. Апелляция к категории интереса для понимания путей развития человеческого мышления придает теоретико-познавательным взглядам Гельвеция особый колорит и оригинальность. Несомненно, Гельвеций, больше чем кто-нибудь из его единомышленников, делает ударение на зависимости человеческих представлений и идей от окружающей социальной среды, от материальных условий существования людей, от их реальных интересов. Мысль о зависимости духовной жизни человека от внешней среды пронизывает всю систему теоретико-познавательных, этических, социологических и педагогических взглядов Гельвеция и знаменует серьезный шаг в сторону научного понимания проблемы.

Не следует, конечно, на основании сказанного спешить зачислить Гельвеция в сторонники материалистического понимания истории. Таким он не мог быть и не был уже потому, что под социальной средой подразумевал в первую очередь систему политического управления, политико-правовую надстройку, ограничиваясь лишь догадками, правда глубокими и перспективными, о роли экономических отношений, о процессе материального производства во жизни человеческого общества. Отметим, забегая вперед, что сами интересы в толковании Гельвеция не выступали чем-то обусловленным объективно существующими производственными отношениями. Невозможно не заметить преобладающую биологическую, физиологическую природу интереса в трактовке Гельвеция.

Несмотря на эти исторически обусловленные недостат-

²⁴ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 178.

²⁵ Там же, с. 238.

ки в понимании интереса и его роли в духовной жизни людей, утилитаристский принцип позволил Гельвецию высказать ряд важных идей о социальной детерминированности познания. Так, Гельвеций заключает, что взаимоисключающие, разноречивые мнения людей об одних и тех же явлениях определяются их особым местом в обществе, их специфическими противоположными интересами. Эти противоположные интересы и обусловленные ими страсти — причина различных суждений об одних и тех же вещах. С другой стороны, сходные интересы людей порождают одинаковые оценки и суждения.

Гельвеций не имел научных представлений о классовой структуре общества, о классовых интересах. Но он отчетливо фиксировал наличие различных сословий в обществе и принадлежность людей к тем или иным сообществам. Под сообществами Гельвеций подразумевает главным образом людей с одинаковой профессией. Временами в понятие сообществ Гельвеций вкладывает и более глубокий смысл, определяя их как социальные группы людей с особыми общими интересами, противостоящими другим социальным группам, которые преследуют иные противоположные интересы. Отсюда уже нетрудно заключить о групповом, сословном мышлении. «...Огромное разнообразие взглядов, — пишет Гельвеций, — есть результат личного интереса, видоизменяющегося в зависимости от наших нужд, наших страстей, наклонностей нашего ума и условий нашей жизни, сочетающихся на тысячи ладов в различных кругах общества. ...Соответственно этому многообразию интересов каждое отдельное сообщество имеет свой особый тон, свою особую манеру судить...»²⁶ В подтверждение своей мысли Гельвеций указывает на различное восприятие жизни, морали и политики господствующей феодальной знатью и народом. Как идеолог враждебной феодализму революционной буржуазии, он подчеркивает, что низменные, несправедливые интересы господствующих феодальных сословий определяют нелепые, вредные для общества взгляды.

Констатация той истины, что различные интересы различных сообществ приводят к различным суждениям и оценкам, не могла не заставить Гельвеция задуматься над вопросом, имеются ли однозначные истины, не получается ли так, что каждое сообщество имеет свою истину,

²⁶ Там же, с. 214.

а объективной истины при таком подходе к делу не существует? Гельвеций не желает соглашаться с подобными выводами и на свой манер ведет борьбу против абсолютного релятивизма и, выражаясь современными терминами, против плюрализма истины.

Гельвеций констатирует существование многих истин, например математических, которые не противоречат ничьим интересам и являются общепризнанными. Что же касается области политики, морали, религии и так далее, где наиболее резко выступают разногласия в понимании тех или иных явлений, то и здесь, по Гельвецию, не исключается возможность установления истины, если ее будут искать люди, умеющие сочетать частный интерес с интересом общественным. «...Справедливость наших суждений и поступков, — утверждает Гельвеций, — есть всегда только счастливое совпадение наших интересов с интересами общественными»²⁷. Истина, думает Гельвеций, доступна тем, кто стоит выше личных узкогрупповых интересов, отстаивает всеобщий интерес, является глашатаем и защитником будущего разумного порядка. Гельвеций имеет в виду философов-просветителей, т. е. представителей передовой буржуазной мысли, которые воспринимаются им как люди, стоящие выше сословно-классовых интересов и предрассудков.

Если отбросить иллюзорные представления о надклассовой природе философов-просветителей, то нельзя не признать большую долю истины в этих рассуждениях. Истина заключается в том, что во времена Гельвеция объективный ход общественного развития совпадал с классовыми интересами буржуазии и она была заинтересована в правильном познании действительности. Сказанное не должно вызывать сомнения, так же как не должно вызывать сомнения и то, что в наши дни реакционная империалистическая буржуазия, обреченная на неминуемое падение и гибель, кровно заинтересована в подмене объективной истины фикциями, продиктованными классовым инстинктом самосохранения.

Настойчивое акцентирование Гельвецием роли личных и групповых интересов в процессе познания может навести на мысль о прагматическом толковании истины французским мыслителем. Такое заключение было бы ошибочным. Принцип пользы нигде не фигурирует в филосо-

²⁷ Там же, с. 213.

фии Гельвеция в качестве критерия истины. Формула «полезно, следовательно, истинно» неприемлема для Гельвеция. Из того, что всякая истина полезна, ничуть не следует, что все полезное истинно. В отдельных случаях та или иная ложная идея на какое-то время может сыграть полезную роль, но от этого ложная идея не становится истинной. Интерес есть условие, стимул к познанию, но не критерий истины. Точно так же сочетание личных и общественных интересов есть важнейшее условие достижения истинного познания, но не критерий истины.

Что же в таком случае позволяет отличить ложь от истины, что является ее действительным критерием? Следует отметить, что на этот вопрос Гельвеций, как и весь домарксовский материализм, не сумел дать удовлетворительного ответа. Гельвеций, конечно, говоря о критерии истины, указывает на опыт. Но опыт он и его единомышленники понимали узко, неисторически, подразумевая под ним чаще всего один из элементов общественной практики — эксперимент. Конечно, Гельвеций, как и другие французские материалисты, был далек от идеалистического понимания опыта как совокупности чисто субъективных ощущений. Под опытом Гельвеций понимает взаимодействие между субъектом и объектом, существующим независимо от человеческого сознания. Но вместе с тем он не может перейти от обыденного, ограниченно понимаемого опыта к идее общественно-исторической практики. Последовательно научное решение вопроса о критерии истины составило одно из важнейших достижений марксистского материализма.

Гельвеций много сделал для подготовки научного решения вопроса о критерии истины. Ближе, чем кто-нибудь другой из школы французского материализма, он подошел к пониманию необходимости введения практики в теорию познания. Но, не сумев решить эту задачу, Гельвеций, как и Дидро, испытывал определенные трудности в опровержении субъективного идеализма. Так, Дидро, говоря в сатирических тонах о субъективных идеалистах, отмечал, что они благодаря своим размышлениям «утратили здравый рассудок, отрицая основную истину, возмущаемую естественным чутьем и подтверждаемую единодушным согласием всех людей»²⁸. Нетрудно заметить, что категорическое опровержение субъективного идеализ-

ма опирается на такие слабые аргументы, как «естественное чутье» и «единодушное согласие всех людей». Дидро осознавал недостаточность одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, тяготел к критерию общественной практики как основы развенчания субъективно-идеалистических софизмов, но овладеть сколько-нибудь полно этой истиной не сумел.

В свою очередь и Гельвеций испытал большие трудности в аргументированном опровержении берклианства. Как и Дидро, он ничуть не сомневается в объективном существовании материального мира вне и независимо от человеческого сознания. Но ему казалось, что эту истину невозможно доказать. Ссылку на очевидность Гельвеций не считал доказательством объективного существования внешнего мира. Он писал: «...если мы во сне переживаем те же ощущения, какие мы испытывали бы в присутствии предметов, то как доказать, что наша жизнь не есть лишь длительный сон?»²⁹ Гельвеций даже высказывает мысль, что существование внешних вещей нужно считать вероятностью первой степени, практически эквивалентной достоверности.

Конечно, эти суждения, как уже отмечалось, рождены слабостью домарксовского метафизического материализма, но необходимо еще раз подчеркнуть, что было бы ошибкой, основываясь на них, ставить под сомнение материализм Гельвеция. Он не только исключал берклианское превращение вещей в комплекс ощущений, но не разделял также и компромиссного учения Локка о субъективности так называемых вторичных качеств. Во всяком случае ни в ранних, ни в поздних своих трудах Гельвеций не вымолвил ни слова в защиту этих локковских идей, хотя и был хорошо с ними знаком.

Материализм Гельвеция стесливо обнаруживается при решении им вопроса о материи и ее свойствах. Исходным началом всякой истинной философии Гельвеций считает несотворенную, бесконечную и вечную природу, частью которой является человек. Материя никогда не возникает, не уничтожается, а лишь меняет формы своего существования. Ничто во времени и пространстве не предшествует материи. Она есть начало начал. Гельвеций избегает определения материи как субстанции. Даже Спинозовское понимание субстанции должно было

²⁸ Дидро Д. Соч., т. VII, с. 161.

²⁹ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 156.

показаться эмпирику Гельвецию чрезмерно метафизическим и теологическим. Он предпочитает определять природу как совокупность конкретно-чувственных тел. Дидро, бесспорно, пошел значительно дальше, определив материю как единую субстанцию, а тела — как различные формы бытия этой единой, неделимой, несотворенной материальной субстанции. Несколько дальше Гельвеция продвинулся и Гольбах в понимании природы как «великого целого», как бесконечной совокупности тел, являющихся модификациями единой материи. Эмпирическая ограниченность определения материи как совокупности конкретно-чувственных тел не ставила, конечно, под сомнение ее объективное существование. Гельвеций со всей категоричностью утверждал первичность, вечность, несотворенность материи.

Для объяснения многообразия мира Гельвеций твердо руководствовался идеей единства материи и движения. Никогда не было материи, лишенной движения. Материя не нуждалась в толчке извне. Зрелый Гельвеций отвергает не только тензм, но и леизм вольтеровского толка.

В философии Гельвеция воспроизводится весьма динамичная картина мира: все находится в движении и развитии; все рождается, растет и погибает; все переходит из одного состояния в другое. «... Движение, — пишет Гельвеций, — не есть существо... но некоторый способ бытия»³⁰. Движение больше, чем модус, даже вечный модус, по определению Спинозы. Гельвеций, не употребляя этого термина, отстаивает атрибутивность движения. «... Мы наблюдаем, — пишет Гельвеций, — как природа находится в вечном брожении и разложении. Кто решится отрицать, что движение, подобно протяжению, присуще телам и что движение есть причина всего существующего?»³¹

Французский материализм XVIII века в силу социальных и исторических причин не постиг сути диалектического мышления и не покинул почвы метафизики и механицизма. Сказанное не исключает, однако, наличия элементов диалектики в философских обобщениях Ламетри, Гельвеция, Гольбаха и в особенности, как мы видели, Дидро. У Гельвеция встречаются мысли и опреде-

ления, которые не укладываются в метафизическое, антидиалектическое понимание мира. Он иногда улавливает единство и борьбу противоположных начал. Так, конституируя единство жизни и смерти, Гельвеций пишет: «Основа жизни, которая, развиваясь в величественном дубе, поднимает его стебель, вытягивает его ветви, утолщает его ствол и делает его царем лесов, является в то же время основой его гибели»³². Элементы диалектики встречаются у Гельвеция в трактовке таких социальных вопросов, как внутренне противоречивая роль страстей в познании, противоречивая роль производства предметов роскоши. Наконец, и основа социальной философии Гельвеция — учение об эгоизме — не лишена диалектических моментов: стремление к личному благу, по Гельвецию, является основой как добродетели, так и порока.

Вместе со всеми представителями французского материализма XVIII века Гельвеций отстаивал не только фундаментальную идею единства материи и движения, но также идею единства материи и сознания. Сознание не что иное, как свойство материи. И точно так же как нет свойства вещи без самой вещи, сознание неотделимо от материи. Самостоятельное, независимое от мыслящего материального мозга существование ощущений, представлений, понятий французский материалист с полным основанием объявлял фикцией, мистификацией феномена сознания.

Принципиально возражая против отрыва мышления от материи, Гельвеций и его единомышленники в отличие от вульгарных материалистов не отождествляли мышление и материю, не рассматривали сознание как нечто телесное.

Не столь единодушно решался французскими материалистами другой вопрос: является ли сознание в его самой примитивной форме свойством всей материи или же особо организованной материи? Присуще ли ощущение как элементарная форма сознания материи извечно, или оно возникает при определенной ее организации?

Ламетри воздерживался от окончательного ответа, но склонился к мысли, что ощущение возникает на определенной ступени развития материи. Дидро полагал, что чувствительность является всеобщим свойством мате-

³⁰ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 125.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 272.

рин³³. Что касается Гельвеция, то он придерживался взгляда, что материя лишь на каком-то этапе своего развития и организации обретает способность ощущать. В данном случае, говоря словами Дидро, Гельвеций имеет в виду деятельную чувствительность, т. е. чувствительность, присущую органической материи. Учение о потенциальной инертной чувствительности, возможно, выдвигалось Дидро с тем, чтобы избежать скачка от «мертвой» материи к живой. Гельвеций хотя и разделял лейбницевское определение «природа не любит скачков», но в данном случае отходил от этого определения уже в том, что допускал скачок от неощущающей материи к материи ощущающей. Он пишет: «Почему же в животном царстве организация не может... произвести то особенное качество, которое называют способностью ощущать?... Эта способность является у животных результатом строения их тела... она возникает вместе с образованием их органов, сохраняется, пока они существуют, и, наконец, утрачивается вследствие разложения этих органов»³⁴.

Учение о единстве материи и движения, материи и сознания послужило философской основой атеизма Гельвеция, как и всего французского материализма. Решительно и бескомпромиссно он отвергает существование сверхъестественных начал в мире. Возникновение и развитие природы и общества должны быть объяснены, не выходя за их пределы, не прибегая к сверхъестественным явлениям.

Гельвеций в книгах «Об уме» и «О человеке...» часто эзоповским языком, иносказательно, обходя цензурные рогатки, нападает на основное понятие религии — понятие бога. На вопрос, что означает слово «бог», Гельвеций отвечает: «Неизвестную еще причину порядка и движения... Если же со словом «бог» связывают некоторые другие идеи, то, как доказывает Робинз, мы станем жертвой тысячи противоречий»³⁵. Из сказанного следует, что по мере выяснения подлинных причин «порядка и движения» мира понятие бога суживается, с тем чтобы полностью уступить место разуму. Дальше мы читаем у Гельвеция: «Нет никакого сомнения, — говорят

китайские ученые, — что в природе существует *некоторое могущественное и неизвестное начало того, что существует*; но когда обожествляют это неизвестное начало, *то создание бога является в этом случае лишь обожествлением человеческого невежества*»³⁶. Легко понять, что точка зрения «китайских ученых», от которой Гельвеций из цензурных соображений отказывается, есть в действительности убеждение самого Гельвеция.

На страницах своих книг Гельвеций отстаивает ограниченно-просветительское толкование происхождения идеи сверхъестественного в силу темноты и невежества. Но почему рост знаний не привел к отказу людей от своих заблуждений? В поисках ответа Гельвеций, как и другие французские материалисты XVIII века, охотно апеллирует к другому аргументу просветительского атеизма: религия сохраняется в силу организованного обмана со стороны специальной касты людей — духовенства, поддерживаемого властями. Для объяснения возникновения и существования религии Гельвеций ссылается также на чувство страха смерти, которое вынуждает человека создавать иллюзии бессмертия. «С этой целью, — пишет Гельвеций, — признали, что душа состоит из очень тонкой материи; из нее сделали неразрушимый атом, переживающий гибель других частей организма, из нее сделали, наконец, первоисточник жизни»³⁷.

Из приведенных высказываний нетрудно заключить, что корни религии Гельвеций, в духе просветительского атеизма, ищет в психологических явлениях. Но и в данном вопросе мысль о важной роли социальной среды в формировании личности позволяет французскому философу высказать ряд интересных и перспективных мыслей. Так, Гельвеций утверждает, что в религиозно-фантастических мечтаниях людей отразились их насущные потребности. Люди заполняли потусторонний мир теми благами, в которых они больше всего нуждались в повседневной жизни. Каждый народ изображал местопребывание душ в зависимости от специфики своих реальных потребностей. «Дикие народы, — пишет Гельвеций, — то переносили это местопребывание в обширный, изобилующий дичью лес, по которому протекали кишевшие рыбами реки; то они помещали это местожительство душ в открытой ров-

³³ Janet P. La philosophie de Diderot. — The Nineteenth century, 1881, N 5, p. 696.

³⁴ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 58.

³⁵ Там же, с. 53.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 108.

ной местности, богатой пастбищами, посреди которой, по их словам, росла земляника величиной с гору, от которой они отделили куски для прокормления себя и своей семьи»³⁸. Гельвеций приближался к правильному пониманию того, что религия есть фантастическое отражение в сознании людей их реального бытия. У него проскакивает мысль, что беспомощность людей в борьбе с трудными условиями существования явилась причиной возникновения фантастических представлений о всемогущих сверхъестественных существах. Еще более отчетливо выражена у Гельвеция идея о том, что религия порождена стремлением человека к личному благу, к счастью. Самые запутанные, темные, противоречивые религиозные измышления имеют, согласно Гельвецию, своим источником себялюбивую природу человека, его эгоистические побуждения. Подходя с этим мерилем к различным формам религиозных представлений и раскрывая их земное содержание, Гельвеций заключает: «Любовь к счастью, вызвав жадное любопытство и любовь к чудесному, породила у различных народов сверхъестественные существа...»³⁹

Рассматривая религию в качестве творения самого человека, Гельвеций, как позднее и Фейербах, был не в состоянии понять, что сам человек является продуктом исторически сложившихся общественных отношений и что, следовательно, последние основания возникновения религиозного сознания нужно искать не в духовно-психическом мире абстрактного человека, не в его психофизиологических потребностях, а в условиях социальной жизни людей. Но при всех принципиальных недостатках объяснения Гельвецием происхождения религии с позиции утилитаризма оно было много глубже, чем объяснение возникновения религиозных представлений одним только невежеством и обманом.

Остается сказать и об оценке социально-политической роли религии в работах Гельвеция. Само собой разумеется, что все те же цензурные соображения лишали возможности философа со всей полнотой и откровенностью сказать то, что он думал по интересующему нас вопросу. И тем не менее самое главное, самое существенное Гельвеций все же сказал. Он показал, что идея бога служила

и опорой деспотизму, что она ловко приспособлена для оправдания неограниченной власти монарха, прав и преимуществ господствующих феодальных сословий, для обмана и порабощения людей. Идея бога, по глубокому убеждению Гельвеция, сковывает волю угнетенных, не дает им возможности осознать свои интересы и сбросить цепи рабства. Гельвеций отлично понимает, каким серьезным препятствием является религия для достижения целей «третьего сословия». «...Чтобы поработить людей, — замечает Гельвеций, — следует их ослепить...»⁴⁰ Религия как раз и служит этой цели. Все в том же просветительском духе переоценки истинной роли религии Гельвеций утверждает, что, пока она существует, люди не будут избавлены от своих невзгод и страданий.

Гельвеций дал яркую критику религиозной нравственности, которая внушает человеку мысль идти против своей собственной природы, подавлять страсти, стремление к личному благу и счастью. Религиозная нравственность хотела бы погасить в человеке всякое желание, внушить ему отвращение к своим богатствам и к своей власти. В призывах к аскетизму, к отрешенности от жизни и в других основных мотивах религиозной нравственности Гельвеций, как и другие французские просветители, видел стремление внушить поработенным покорность существующему феодальному порядку. «Нравственность большинства народов, — писал Гельвеций, — является в настоящее время лишь собранием способов, которые употребляют власть имущие, и правил, которые они диктуют для того, чтобы укрепить свой авторитет и иметь возможность безнаказанно быть несправедливыми»⁴¹.

Особое место в книгах Гельвеция заняла резкая критика католической церкви как опоры деспотизма и феодального строя. Философ часто возвращался к мысли, что там, где не ограничена власть церкви, замедляется общественный прогресс, промышленность и торговля находятся на самой низкой ступени развития, а население коснеет в темноте и невежестве. Гельвеций показал, как руководители католической церкви на протяжении веков проповедовали любовь к человеку, а сами огнем и мечом расправлялись с каждым, кто в той или иной форме выступал против их власти и авторитета.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 103.

⁴⁰ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 306—307.

⁴¹ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 209.

Высокая оценка, данная французскому атеизму XVIII века Энгельсом и Лениным, целиком распространяется и на произведения Гельвеция. Талантливый, яркий, воинствующий атеизм материалистов дореволюционной Франции не утратил своего значения и для современной борьбы против религии и духовенства, отстаивающего ущербное буржуазное общество.

Французские материалисты XVIII века считали своей программной задачей преодоление религиозных взглядов не только на природу, но и на общество. Если, рассуждали они, природа может быть объяснена без обращения к каким-нибудь сверхъестественным, спиритуалистическим силам, то и человек, его социальная жизнь не нуждаются в иррационалистических, мистических суждениях, рожденных невежеством и корыстными целями.

Французский материализм продолжил и углубил критику теологической концепции истории со стороны мыслителей эпохи Возрождения, а также Бэкона, Гоббса, Локка, Спинозы. Гельвеций и его друзья весьма внимательно отнеслись к предшествующей французской общественно-политической мысли, к наследию Бодена, Лабрюйера, Ларошфуко, а также к старшему поколению французского Просвещения — Монтескье и Вольтеру.

Французское просветительство, и в особенности французский материализм XVIII века, должно было развенчать официальную феодально-клерикальную идеологию, которая стояла на страже феодального порядка. Идеологи дореволюционной французской буржуазии решительно выступили против таких столпов феодально-клерикальной идеологии, как, например, Фома Аквинский и Жак Бенинь Боссюэ. Первый из них откровенно и с неприменной ссылкой на волю бога провозглашал высшей христианской добродетелью безропотное подчинение знатных людей знатным, оправдывал неограниченную власть монарха, всевозможными теслогическими ухищрениями обосновывал правомерность наказания светскими и духовными властями всех, кто вознамерился бы подняться против их «истин» и власти. Другой защитник господствующей феодальной системы — Боссюэ, как мы уже отметили, пытался придать возможную логику и порядок провиденциалистскому пониманию истории, которое строго регламентировало ход общественной жизни промыслом божьим, не оставляя места для свободного выбора и творчества людей в этом фатально предопределенном мире.

Гельвеция с полным основанием можно считать одним из наиболее видных предшественников исторического материализма. Он попытался применить материалистически понятый принцип сенсуализма к общественной жизни и создать антиспиритуалистическое учение об обществе. «У Гельвеция, — писал Маркс, — который тоже исходит из Локка, материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни (Гельвеций. «О человеке»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы»⁴².

В духе домарксовской социологии Гельвеций, желая отрезать все пути к теологическим спекуляциям, превратившим бога в начало общественной жизни, объявляет субъектом социальных отношений человека, являющегося в свою очередь частью самой природы. Таким образом, не общественные отношения в своей совокупности определяют человека, его сущность, а сам этот абстрактный человек, биологический индивид, всегда равный себе, наделенный биологическими и психологическими качествами, является исходным для формирования общества.

Легко заметить, что социологическая концепция Гельвеция, призванная сразить теологические и спиритуалистические воззрения на общественную жизнь, сама отталкивается от такого метафизического и внесторического начала, как абстрактный человек. Тем самым Гельвеций становился на путь, который в лучшем случае приводил к обоснованию отдельных, самих по себе плодотворных социологических истин, но не к научному пониманию общественной жизни.

В индивидуализме, заостренном против феодально-сословной скованности, Маркс видел причину того, что все буржуазное обществоведение XVII—XVIII веков и позже имело своим исходным началом отдельного индивида и апеллировало ко всевозможным робинзонадам. Подвергая критике антропологический материализм Фейербаха, Маркс и Энгельс писали, что Фейербах «рассматривает людей не в их данной общественной связи, не

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 144.

в окружающих их условиях жизни, делающих их тем, чем они в действительности являются...»⁴³. Основоположники марксизма указывали, что Фейербах «никогда не добирается до реально существующих деятельных людей, а застревает на абстракции «человек» и ограничивается лишь тем, что признает «действительного, индивидуального, телесного человека»...»⁴⁴. Эта характеристика может быть распространена на исходные положения социологической концепции Гельвеция. Мы уже отметили, что под «человеком» Гельвеций подразумевал лишь чувственного, физического человека, неизменного в своем биологическом естестве и в своих физиологических потребностях.

Каковы же отличительные черты этого абстрактного человека, из неизменной природы которого Гельвеций, как и другие просветители XVIII века, хотел дедуцировать столь же неизменные и вечные начала социологии и этики? Человек Гельвеция — сенситивное, чувственное начало прежде всего. Он автоматически избегает неприятных ощущений и стремится к ощущениям приятным; он избегает боли и всем своим существом тянется к удовольствию, к счастью. Гедоническое начало властвует в нем безраздельно, пронизывает все его мысли и направляет все действия. Как и всякое живое существо, этот человек стремится к самосохранению, которое, по определению, данному еще Спинозой, есть самая существенная вещь, а согласно Гоббсу, является величайшим благом для всякого, «ибо природа устроила так, что все хотят себе добра»⁴⁵.

Из чувственной природы человека Гельвеций выводит универсальный принцип эгоизма, себялюбия, который провозглашается движущим началом общественной жизни. Чувственные страдания и удовольствия, считает Гельвеций, заставляя людей думать и действовать и являясь единственными рычагами,двигающими нравственный мир. Если, утверждает философ, физический мир подвластен закону движения, то общественная жизнь подчинена закону интереса. Принцип эгоизма направляет мысли и действия не только отдельной личности, но и больших сообществ людей и целых народов.

Подчеркивание Гельвецием чувственного начала, провозглашение неистребимости в человеке стремления к счастью были прямым продолжением и развитием принципов буржуазного гуманизма эпохи Возрождения. В провозглашении Гельвецием ценности личности, ее интересов, ее предпринимательской энергии, ее устремленности к собственному благу нельзя не усмотреть исторически закономерный, оправданный протест против феодальных пут, связывавших личность, ее свободу и инициативу. Классовый характер учения Гельвеция о человеке и человеческом обществе нашел свое яркое выражение уже в том, что эгоизм и индивидуализм признаются в нем вечными и неизменными чертами человеческого характера и движущими силами общественного развития на все времена. В действительности же эгоизм и индивидуализм порождаются обществом, основанным на частной собственности на средства производства, достигают своего апогея в период капитализма и постепенно исчезают по мере уничтожения буржуазных отношений и утверждения социализма, коммунизма.

При всей ограниченности, натуралистичности попыток Гельвеция объяснить малые и большие события в жизни людей (войны, революции, возникновение и исчезновение государств и т. п.) чувством личного и группового эгоизма нельзя, однако, не заметить историческую прогрессивность и перспективность многих идей социологической концепции французского мыслителя. И действительно, как мы имели возможность отметить, эта концепция в целом возвышалась над теолого-спиритуалистическими мистификациями общественной жизни и при всех своих недостатках принципиального характера тем не менее апеллировала к земным силам, чтобы объяснить движущие пружины личной и общественной инициативы. При всех своих исторически обусловленных недостатках социологические изыскания Гельвеция были пронизаны одной в высшей степени смелой для своего времени и весьма плодотворной мыслью. Мы имеем в виду неуклонное стремление философа искать разгадку тайн общественной жизни в таких, казалось бы, «низменных», «обыденных», «грубо эмпирических» устремлениях, как забота о пище и одежде, о постройке жилищ, усовершенствовании средств труда, расширении производства и торговли, — одним словом, в деятельности людей, направленной на самосохранение и приумножение материальных благ.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1964, с. 241.

Переход от охотничье-собирабельского образа жизни к скотоводству, от скотоводства — к земледелию и от последнего — к торговле и промышленности Гельвеций неизменно объяснял материальными потребностями людей. Он постоянно подчеркивал, что стремление избежать голода, найти пропитание заставило людей создавать и совершенствовать орудия труда. «...Голод, — писал Гельвеций, — заставляет дикаря проводить целых шесть месяцев на озерах и в лесах, учит его сгибать свой лук, плести сети и устраивать западни животным»⁴⁶. Гельвеций высказал ряд правильных догадок о роли труда в умственном развитии людей, об обусловленности широты кругозора людей, сложности их трудовой деятельности развитием их орудий и средств производства. Проявляя очень большую прозорливость, французский мыслитель указывал на огромную роль руки как в трудовом процессе, так и в умственном развитии человека. «Если бы природа, — писал Гельвеций, — создала на конце нашей руки не кисть с гибкими пальцами а лошадиное копыто, тогда, без сомнения, люди не знали бы ни ремесел, ни жилищ, не умели бы защищаться от животных и, озабоченные исключительно добыванием пищи и стремлением избежать диких зверей, все еще бродили бы в лесах пугливыми стадами»⁴⁷.

Легко заметить, что возможность трудовой деятельности человека Гельвеций ошибочно обуславливает целиком организацией его руки, тогда как на самом деле, как это было доказано Ф. Энгельсом, организация человеческой руки является продуктом самой трудовой деятельности. Это не мешало, однако, Гельвецию решительным образом подчеркнуть роль труда в деятельности вообще и в духовном становлении человека. Он писал: «Если бы вычеркнуть из языка любого народа слова: *лук, стрелы, сети* и пр., — все, что предполагает употребление рук, — то он оказался бы в умственном развитии ниже некоторых диких народов, не имеющих двухсот идей и двухсот слов для выражения этих идей, и его язык, подобно языку животных, соответственно был бы сведен к пяти-шести звукам или крикам»⁴⁸. Для подтверждения своей мысли

Гельвеций ссылаясь на островитян, открытых Дампьером, отличавшихся крайне низким уровнем развития мышления и языка. Эту отсталость Гельвеций объяснял отсутствием у островитян сколько-нибудь усложненных трудовых процессов, поскольку они преимущественно питались рыбой, которую морские волны в изобилии выбрасывали на берег и тем самым избавляли островитян от больших усилий, направленных на добычу пищи.

Мысль о зависимости уровня умственного развития от потребностей и жизненных интересов Гельвеций выразил в крылатом выражении: «Ум является сыном нужды и интереса». В соответствии с этим определением он не раз высказывал предположение, что человеческая культура во всей своей совокупности есть порождение практических потребностей человека. «Если, — писал Гельвеций, — потребности являются единственными движущими силами, то изобретение искусств и наук следует объяснить также нашими различными потребностями»⁴⁹. Различные интересы, утверждал Гельвеций, порождают различные, порой взаимоисключающие идеи и оценки. В вопросах эстетики мыслитель доходил до в высшей степени смелого и оригинального для своего времени утверждения, что художественные вкусы людей предопределяются их местом в жизни, их индивидуальными, сословными и профессиональными интересами.

Идеи группового эгоизма, групповых интересов и обусловленное ими единство взглядов и действий пролагали путь к пониманию, пусть еще поверхностному и ненаучному, сословных противоречий и борьбы. Вне всякого сомнения, этими мыслями и рассуждениями Гельвеций и другие французские материалисты XVIII века подготавливали констатацию наличия классов и классовой борьбы историками времен Реставрации — Гизо, Тьерри и Минье.

Характеризуя исходные позиции Гельвеция в вопросах понимания общественной жизни, мы подчеркнули те мысли французского философа, которые подготавливали научное понимание исторического процесса. Но конечно, было бы ошибкой на основании этих высказываний Гельвеция о роли материального интереса в развитии общественной жизни делать вывод о его разрыве с идеали-

⁴⁶ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 76.

⁴⁷ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 149.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 76.

стическим пониманием истории. Интересная попытка Гельвеция применить материалистически понятый сенсуализм к социальным явлениям не привела и не могла привести к отрицанию исторического идеализма уже потому, что сами материальные потребности и интересы рассматривались, как мы уже подчеркнули, в качестве не общественно-исторических факторов, обусловленных объективными условиями материального производства, а биологических и психологических начал, детерминированных «природой человека».

Следует специально остановиться на другой социологической проблеме, при решении которой Гельвеций также высказал ряд глубоких мыслей, которые подготавливали ее научное понимание. Мы имеем в виду проблему общества и личности.

Французские материалисты XVIII века, и среди них наиболее настойчиво Гельвеций, отказывались рассматривать личность в качестве замкнутой в себе, обладающей якобы суммой независимых от среды и жизненного опыта врожденных понятий и чувств. Гельвеций и его единомышленники отстаивали весьма глубокую мысль о становлении, формировании личности под воздействием внешней среды. Такое понимание было связано с материалистическим сенсуализмом, с учением о зависимости чувств и мыслей от внешних предметов и явлений. Это учение было заострено против феодально-клерикальной идеологии, которая отстаивала божественное происхождение интеллектуальных качеств человека, которые якобы и предопределяют место личности на иерархической лестнице социальной жизни.

Идея о зависимости человека, всего его духовного облика от внешней среды приобретает у Гельвеция характер общеметодологической установки и пронизывает всю его систему теоретико-познавательных, социологических, этических, эстетических и педагогических взглядов. «...Люди, — утверждает Гельвеций, — не рождаются, а становятся теми, кто они есть»⁵⁰. Достоинства и пороки людей не являются унаследованными качествами. Они целиком продукты среды. Отсюда следовали в высшей степени революционные выводы: для воспитания в человеке лучших душевных качеств следует изменить среду, в которой он живет, сделать более разумными и

справедливыми условия жизни людей. В эпоху Гельвеция эта формула была формулой отрицания деспотического управления, власти бесчисленных светских и духовных князей и князьков, их правовых и политических установлений, которые калечили как правящих, так и управляемых.

Придав столь большое значение в формировании людей социальной среде, Гельвеций, естественно, должен был уделить внимание возможно более точному ее определению. Отдавая должное Монтескье, попытавшемуся в свою очередь избавить объяснение человеческой истории от религиозных догм, Гельвеций при всей ограниченности собственной концепции не может, однако, принять определение потребностей, предлагаемое автором книги «О духе законов». Монтескье, как мы уже писали, превращал географическую среду в силу, которая определяет потребности людей, а эти потребности в свою очередь накладывают свой отпечаток на нравы и законы государств. На многих примерах Гельвеций показывает, как изменялись нравы и законы людей, в то время как географическая среда, в которой они жили, не претерпела сколько-нибудь заметных изменений.

Гельвеций предлагает иное определение внешней среды. Она, эта внешняя среда, есть совокупность предметов и явлений, которые способны влиять на человека, вызывать в нем приятные или неприятные ощущения и соответственно этому определять сознание человека, его политические убеждения, моральные представления, эстетические вкусы, практическое поведение. Но во всей системе предметов и явлений, которые образуют внешнюю среду, Гельвеций особо выделяет политическую форму правления, действующие государственные законы. Эта решающая, по мнению Гельвеция, роль государства в формировании облика людей вызвана тем, что государство карает и вознаграждает. «...Опыт, — пишет Гельвеций, — доказывает, что характер и ум народов изменяются вместе с формой их правительства; что разные формы правительства придают одной и той же нации поочередно характер то возвышенный, то низкий, то постоянный, то изменчивый, то мужественный, то робкий»⁵¹. В деспотическом государстве, указывает Гельвеций, люди могут добиться своего счастья раблепием,

⁵⁰ Там же, с. 90.

⁵¹ Там же, с. 145.

угождением деспоту. Само собой разумеется, заключает Гельвеций, при таком строе пышно расцветают самые отвратительные нравы. На многих примерах, взятых из истории, философ пытается показать, как изменение государственного строя коренным образом изменяло нравы, понятия и представления людей.

Учение Гельвеция о формирующей роли социальной среды по отношению к личности было важным этапом развития социологической мысли и обособивало необходимость коренного преобразования феодальных отношений для возрождения человека. Вместе с тем это учение не было свободно от серьезных недостатков и недоговоренности. Прежде всего это неисторический подход как к обществу, так и к личности. Кроме того, Гельвеций, как мы видели, под социальной средой подразумевал главным образом существующий политический строй, не задаваясь вопросом, что же детерминирует этот политический строй, как он возникает и изменяется, какие силы приводят к его падению и гибели. Таким образом, говоря о социальной среде, Гельвеций не принимал в расчет определяющую и направляющую роль экономических отношений, которые составляют фундамент любого общества, любой социальной среды. Больше чем кто-нибудь другой из представителей домарксовской социологии, Гельвеций, как мы видели, высказывал глубокие догадки о роли производственной деятельности в жизни общества. Но эти отдельные высказывания так и остались догадками, а преобладающей и определяющей оказалась у Гельвеция мысль о всемогуществе политического фактора в обществе.

Проблема общества и личности у Гельвеция и его единомышленников получила достаточно противоречивое толкование. На это обстоятельство обратил особое внимание Г. В. Плеханов⁵². С одной стороны, социальная среда объявляется фактором, который активно творит, лепит образ человека, сообщает ему определенные духовные, психологические и этические черты, ту или иную политическую ориентацию, то или иное практическое поведение. В таком аспекте очень отчетливо выступает созерцательность философии Гельвеция, недооценка активности человека, принижение его творческих потенций. Но наряду с этой линией, с этим «сюжетом»

в творчестве Гельвеция, как и других французских материалистов XVIII века, имеется и другая линия, другой подход к вопросу. Мы имеем в виду чрезмерное подчеркивание роли государей, государственных деятелей, полководцев, религиозных реформаторов в человеческой истории. Эти две линии не оказались в концепции Гельвеция и его единомышленников сколько-нибудь логично и убедительно связанными. Французский материализм попытался прибегнуть к категории взаимодействия для примирения названных линий. Но в этом взаимодействии роль политических деятелей была ведущей и решающей. Это они создавали государства, политические и правовые нормы, придавали ту или иную форму государственному организму, предопределяли условия жизни, которые в свою очередь должны были формировать духовный облик граждан. Идеализм подобного решения вопроса очевиден. В развитии разума, и в первую очередь разума правителей, Гельвеций видит главную силу, призванную преобразовать нелепый и несправедливый феодальный строй. Только усовершенствовав человеческий разум, считает Гельвеций, государства могут надеяться на исправление форм правления, законов и администрации.

Конечно, если сравнить учение Гельвеция с господствующими объяснениями общественной жизни посредством сверхъестественных, метафизических сил, то нетрудно заметить, какую огромную роль в выработке более трезвых представлений об общественной жизни сыграл Гельвеций, французский материализм, представляя политику, политические отношения в качестве движущей силы истории.

Значительное место в социологических размышлениях Гельвеция занял вопрос о природном равенстве умственных способностей людей. Освещение этой проблемы было связано с общей критикой феодального правопорядка, феодальной иерархии, сословного неравенства и сословных привилегий, теории «голубой крови», пошлых измышлений, освященных церковью, о том, что будто бы правящие сословия правят в силу унаследованных интеллектуальных преимуществ.

Защищаемая Гельвецием идея о природном равенстве умственных способностей была в самой резкой и категорической форме направлена против апологии принципа неравенства и укладывалась в общую борьбу

⁵² См. Плеханов Г. В. Очерки по истории материализма. М.—Пг., 1923.

предреволюционной французской буржуазии против всевозможных форм существовавшего неравенства. Вся борьба против феодализма, указывал Ленин, шла под лозунгом равенства. Чаще всего в этот период речь шла преимущественно о правовом равенстве, которое нужно было буржуазии, а для трудящихся оно оборачивалось главным образом формальным равенством. Несколько иначе ставил вопрос о равенстве Гельвеций. Идея умственного равенства людей в его толковании заострялась против не только феодальных форм неравенства, но и неравенства умственных способностей людей вообще.

Гельвеций выдвинул учение, согласно которому все люди с нормальной организацией рождаются с одинаковыми или почти одинаковыми способностями к умственному труду. Больше или меньшее совершенство органов чувств, полагал Гельвеций, не влияет на уровень умственного развития людей. Плохое зрение, слух, обоняние и так далее не могут помешать человеку приобрести обширные знания и гибкость ума. Гельвецию, сводившему с позиций крайнего сенсуализма мышление к чувствованию, этот довод казался неотразимым. Столь же неоспоримым он считал утверждение, согласно которому большая или меньшая развитость памяти не может быть причиной неравенства ума: Монтень, обладавший весьма слабой памятью, сумел тем не менее стать видным мыслителем. Отвергал Гельвеций и рассуждения о неравенстве умственного развития людей в результате неодинаковой способности к вниманию. При одинаковой заинтересованности в познании каких-нибудь явлений, утверждал Гельвеций, люди обнаруживают одинаковую способность напрягать свое внимание.

Эти аргументы казались Гельвецию достаточными, чтобы провозгласить людей одаренными одинаковыми способностями к умственному труду. Гельвеций заключает: ум является не даром природы, а результатом воспитания. И если нет двух людей с одинаковым умственным развитием, то это потому, что нет двух людей с одинаковым жизненным опытом. Ошибочно полагая, что семена одного и того же живого существа тождественны, Гельвеций писал, что люди похожи на деревья одной породы, семена которых, будучи абсолютно одинаковыми, необходимо вырастают в множество разнообразных форм, ибо никогда не попадают в точь-в-точь одинаковую землю и не испытывают на себе совершенно одина-

кового действия ветров, солнца и дождя. Гельвеций заявлял, что независимо от биологической организации люди могли бы стать одинаково талантливыми и даже гениальными, если бы обладали всеми жизненными условиями, необходимыми для этого.

Можно смело утверждать, что ни одна из идей Гельвеция не породила такого взрыва негодования и таких саркастических выпадов реакционеров, как идея о природном умственном равенстве людей. Двор, парижский парламент, Сорбонна, папа римский, феодальная знать, высшее духовенство чувствовали себя оскорбленными. Представители господствующих сословий считали в высшей степени мятежным и святотатственным утверждение, что простолюдин может иметь столько же добродетелей, ума, дарований, сколько и представители «голубой крови», и не хуже их управлять государством.

Учение Гельвеция о равенстве интеллектуальных способностей людей отрицательно было встречено теми просветителями (Вольтер, Тюрго), которые были не прочь уравнивать аристократов и буржуа по задаткам и умственному развитию, но не считали возможным это равенство распространять на простых людей из народа.

Рискуя вступить в противоречие со своими радикально-демократическими социально-политическими взглядами, Руссо отрицал идею Гельвеция о том, что от рождения все обладают равными возможностями для интеллектуального развития. Руссо полагал, что духовные способности человека predeterminedены его биологической организацией. В «Элоизе» он писал, что бессмысленно желать из посредственного по рождению человека сделать одаренную личность. Это так же невозможно, как невозможно из блондина сделать брюнета.

Представляет интерес отношение к проблеме, поставленной Гельвецием, Дидро и Гольбахом. Ни Дидро, ни Гольбах, конечно, не отрицали огромного значения внешней среды, воспитания для формирования личности. Они, как и Гельвеций, были противниками теории врожденных идей, но ни один, ни другой не сбрасывали со счетов врожденные задатки и необходимость их учета считали важнейшим условием правильной организации воспитания. Нужно добавить к сказанному, что если Гельвеций совершенно исключал биологический фактор в формировании духовного и морального облика человека, то Гольбах несколько преувеличивал роль биологи-

ческой организации в умственном развитии. Что касается Дидро, то он, будучи во многом согласен с Гельвецием, пытался удерживать последнего от крайностей⁵³. Как же Дидро исправляет Гельвеция? Если последний заявляет, что воспитание значит все, Дидро предлагает сказать, что оно значит много. Если Гельвеций заявляет, что биологическая организация не значит ничего, то Дидро утверждает, что она значит меньше, чем это обычно думают. Если Гельвеций исходит из того, что воспитание — единственный источник различия между людьми, то Дидро считает нужным ограничиться признанием, что «это один из главных источников»⁵⁴.

Гельвеций, конечно, ошибался, когда полностью отрицал роль особенностей биологической организации, различных природных задатков людей в их интеллектуальном развитии. Но сама эта ошибка порождалась у Гельвеция желанием раз и навсегда покончить с врожденными идеями, с теорией фатальной предопределенности умственного неравенства людей. Сводя на нет биологический фактор, роль наследственности, он желал этим еще резче подчеркнуть, что судьбы людей, их счастье целиком зависят от них самих, от их собственных усилий стать равными и полноценными. Во всяком случае ошибка Гельвеция не содержала в себе возможности таких реакционных, закрепляющих социальное неравенство выводов, которые логически вытекали из ошибки противоположного характера, а именно из абсолютизации роли биологического фактора в умственном развитии человека.

Выдающейся заслугой Гельвеция было распространение учения об умственном равенстве людей на все народы и расы, защита им прогрессивной, антирасистской мысли о единстве человеческого рода. Все народы, утверждал Гельвеций, обладают равными способностями к совершенствованию. Климат и почва, как показывает опыт истории, не могут иметь такого влияния, чтобы роковым образом обусловить дикость и варварство одних народов и с такой же фатальностью предопределить расцвет и творческую созидательность других. «Словом, — писал Гельвеций, — по-видимому, только причинам духовного

порядка можно приписать превосходство некоторых народов над другими в области наук и искусств; и можно заключить, что нет народов, особенно одаренных добродетелью, умом и мужеством. Природа в этом отношении делила поровну свои дары»⁵⁵. Напомним, что здесь под духовными причинами в отличие от физических (климат, почва и т. п.) Гельвеций подразумевает преимущественно политическую форму правления. Прогресс и отстаивание народов Гельвеций в первую очередь стремится объяснить уровнем совершенствования политической формы правления.

Гельвеций упорно подводил своего читателя к мысли, что при одинаковых формах правления, под сенью одних и тех же «мудрых и справедливых» законов самые различные народы независимо от того, к какой расе они принадлежат и на каком материке проживают, показали бы одинаковые успехи во всех областях творчества. Учение Гельвеция о равенстве интеллектуальных способностей народов, показавшее, что он являлся одним из наиболее смелых мыслителей своего века, заняло достойное место в истории передовых социологических идей.

Горячая защита Гельвецием идеи равенства людей тем не менее имела свои границы, правда, возможно, плохо осознаваемые самим мыслителем. Он не задумывался над вопросом, как могут быть люди полностью равны, если сохраняется частная собственность, которую он сам, Гельвеций, считал важным условием существования общества? Как могут быть равны люди, как они могут иметь условия для одинакового развития своих духовных способностей, если одни владеют средствами производства, а другие вынуждены идти в кабалу для того, чтобы иметь хлеб насущный? Гельвеций иногда сомневался в возможности существования общества, где все в равной мере будут умственно развиты. Сомневался, но продолжал верить, подыскивать новые аргументы в защиту своего идеала. Гельвеций наивно полагал, что «разумный и справедливый» строй, который придет на смену феодализму, если и не уничтожит полностью, то во всяком случае смягчит неравенство в умственном развитии людей и народов. Этот «разумный и справедли-

⁵³ Schosler J. Rousseau et Diderot, critiques de la philosophie égalitaire d'Helvétius. — Revue romane (Copenhague), 1980, N 1, p. 68—83.

⁵⁴ Дидро Д. Соч., т. II, с. 215.

⁵⁵ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. I, с. 476.

вый» строй оказался (и не мог не оказаться) буржуазным строем, который привел к результатам, совершенно противоположным ожиданиям и мечтам Гельвеция.

Прежде чем перейти к более полному анализу социально-политического идеала Гельвеция, нам следует выяснить вопрос, имеющий первостепенное значение для понимания как социологических, так и социально-политических взглядов французского мыслителя. Речь идет об исторической закономерности. Признавалась ли эта закономерность французскими материалистами XVIII века, и в частности Гельвецием? Какой смысл вкладывался в само понятие исторической закономерности?

Отметим первоначально, что Гельвеций, как и другие его единомышленники, не брал под сомнение ту истину, что общественная жизнь находится в постоянном движении, изменении. Вся известная Гельвецию история человечества выступала как история падения одних форм общественной жизни, государственного устройства и возникновения новых форм человеческого общежития. Идея изменчивости социальной жизни выражала эмпирически констатируемую, очевидную истину и не вызывала никаких возражений и споров. Сложнее было ответить на вопрос, чем обусловлена эта подвижность общественной жизни, подвластна ли она каким-нибудь законам? Знаменуют ли социальные изменения восходящее развитие от простого к сложному, от низшего к высшему?

Ответ на первый вопрос, даваемый Гельвецием, нам известен. Движущей силой общественного развития является человеческий разум. Борьба между разумом и заблуждением составляет содержание общественной жизни и причину ее развития. Не без логических противоречий наряду с чисто просветительским объяснением исторического развития Гельвеций апеллировал, как мы знаем, к принципу личного и группового эгоизма, чтобы объяснить движение общественной жизни.

Поскольку в борьбе между невежеством и разумом в конце концов берет верх разум, то неоспорим процесс усовершенствования, улучшения жизни людей. Прогресс осуществляется медленно, с зигзагами и временными отступлениями, но тем не менее он осуществляется. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс указывал, что французские материалисты XVIII века придерживались того убеждения, что человечество, по крайней мере в их время, двигается в общем и целом вперед.

Остается ответить на вопрос, удалось ли французским материалистам раскрыть некие всеобщие законы, которым подчинен ход истории. С самого начала надо подчеркнуть, что, поскольку французские материалисты в целом стояли на идеалистических позициях в объяснении общественной жизни, постольку вопрос о закономерном развитии истории сводился у них к вопросу о том, присуще ли закономерное развитие человеческому духу. Если не переоценивать значение отдельных смелых для своего времени догадок Дидро, Гельвеция и Гольбаха, то надо сказать, что французскому материализму в целом идея закономерного развития человеческого разума осталась недоступной. Вся прошлая история представлялась французским материалистам в виде сплошных заблуждений, ошибок. В конечном счете медленно и мучительно истина брала верх над заблуждением, но установить закон развития этой истины французские материалисты не брались, больше того, глубоко сомневались в возможности установления здесь каких-нибудь строгих закономерностей, берущих верх над случайностями. Само открытие истины рассматривалось как дело счастливого случая.

Справедливость требует отметить, что Гельвеций иногда хотел бы иного решения вопроса и искал его. Является ли случай выражением чего-то необходимого, закономерного? В книге «О человеке...» Гельвеций как бы мимоходом замечает: «... в природе все подготавливается и приходит само собой. Возможно, что совершенство искусств и наук является делом не столько гения, сколько времени и необходимости. Единообразный прогресс наук во всех странах подтверждает эту точку зрения... В столь постоянном продвижении человеческого разума мне представлялось бы возможным видеть результат некоторой общей и скрытой причины»⁵⁶. Гельвеций и в других местах высказывает предположение, что открытие тех или иных истин, появление гениев обусловлено потребностями эпохи, а не простой случайностью. Эта гениальная догадка французского мыслителя не ускользнула от внимания Маркса, который писал: «Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях

⁵⁶ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 57.

и, если их нет, она их изобретает, как говорит Гельвеций»⁵⁷.

Но, считая идеальные побудительные силы выдающихся исторических личностей движущей причиной общественного развития, французский материализм оказался неспособным вскрыть причины этих побудительных сил, т. е. исторически развивающиеся вне сознания и воли людей условия материальной жизни, открыть подлинные закономерности возникновения идей и «волшебных импульсов» выдающихся людей.

Гельвеций упорно отстаивал, как мы знаем, мысль, что все идеи и желания людей продиктованы интересами, стремлением к личной пользе. Но интерес, будучи в системе Гельвеция вневременной, вечной и неизменной категорией, не мог послужить основой для объяснения закономерного развития человеческого сознания. Поскольку французский философ оказался не в состоянии обнаружить закономерный характер развития самих интересов, постольку обусловленные ими идеи и действия также не могли быть рассмотрены философом в их закономерном развитии.

Не сумев обосновать сколько-нибудь убедительно закономерный ход истории, французские материалисты, которые одно уже существование феодализма воспринимали как абсурд и отрицание всякой закономерности, легко шли на сближение закономерности с причинностью. Все причинно обусловлено, все, следовательно, необходимо; объективной случайности нет, ибо случайным является лишь то, причина чего нам неизвестна. Получалось, что и в природе, и в общественном развитии все одинаково необходимо, ибо все причинно обусловлено.

Характеризуя общественные взгляды французских материалистов, Энгельс указывал: «В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь приковывала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков. . . А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь, и история в лучшем случае являлась готовым к услугам философов сборником примеров и иллюстраций»⁵⁸.

Французские материалисты свое призвание видели также в том, чтобы придать наконец-то истории закономерность, которой ей не хватало раньше.

Эти исторически обусловленные заблуждения в целом разделял и Гельвеций, но, как и в вопросе о роли материальных факторов в истории, в вопросе о характере общественного развития он чаще своих единомышленников приближался к правильному пониманию исторической закономерности. Так, Гельвеций пытался периодизировать историю по формам хозяйства. Он говорил об исторически необходимом переходе от охотничье-собирающего образа жизни к скотоводству и от скотоводства к земледелию. С возникновением земледелия Гельвеций связывал появление частной собственности и законов, призванных обеспечить ее неприкосновенность. Различные по природе и обработке участки земли будут приносить различные плоды, что, согласно Гельвецию, явится основой обмена, денег и торговли. Более поздней стадией исторического развития является период возникновения и развития ремесел.

Улавливает Гельвеций и некоторые закономерности развития в сфере политики. Он показывает эволюцию государственной власти на фоне углубляющегося социального неравенства. Возникновение и углубление противоречивости интересов людей, утверждает Гельвеций, приводят к тому, что в одной и той же нации возникают «нации богачей, бедняков, собственников, купцов и т. д. . .»⁵⁹, имеющие различные и противоположные устремления. Многозначительны утверждения Гельвеция, согласно которым по мере лишения большинства членов общества собственности и сосредоточения всех благ в руках меньшинства законы становятся более суровыми и беспощадными, а государство — более деспотичным.

В учении Гельвеция о необходимом характере возникновения и развития общества и государства (Гельвеций различает эти понятия), бесспорно, много наивного и неверного. Очень часто, будучи не в состоянии раскрыть подлинные связи и закономерности, он измышляет и навязывает их истории. И все-таки в этом учении имеются положения, которые свидетельствуют о глубокой неудов-

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 287—288.

⁵⁹ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 252.

летворенности мыслителя широко распространенной среди просветителей XVIII века формулой «мнения правят миром».

Мы остановились на некоторых наиболее характерных чертах социологических воззрений Гельвеция. Мы видели, что французский философ склоняется к мысли, что в прошедшей истории трудно обнаружить строгое проявление разума. Свои лучшие ожидания он переносил на будущее.

Идеальное общество будущего рисовалось Гельвецием обществом свободы и равенства. Мудрые законы этого общества гармонически связывают личный интерес с интересом общественным. Будущий общественный строй избавлен от деспотической власти монарха, от феодального порабощения личности. Гельвеций исключал свободу там, где существуют аристократы. «Сколько аристократов, — заявляет он, — столько же деспотов»⁶⁰. Говоря о грядущем лучшем порядке, Гельвеций представляет его свободным от сословного деления и сословного неравенства. Отражая более радикальные и зрелые чаяния основных масс предреволюционной французской буржуазии, он отстаивает необходимость установления такого общественного строя, при котором все люди будут равны перед законом и будут выступать не как представители того или иного сословия, а как равноправные граждане единого государства. Полемику с Монтескье, Гельвеций заявляет: «Дух сословности нас всячески порабощает. Под именем сословия выпячена сила, действующая в ущерб понятию общества. Мы управляем системой захватов, осуществляемых на основе наследственного права. Под именем французов существуют лишь корпорации личностей, но нет ни одного человека, который заслуживал бы названия гражданина»⁶¹.

Каким Гельвеций представлял себе будущий государственный строй Франции? Все симпатии Гельвеция, конечно, были на стороне республиканской формы правления. Он хотел видеть будущую Францию состоящей из нескольких десятков демократических республик, соединившихся в единую федерацию. Однако сомнения в пригодности республиканского правления для больших го-

сударств не покидают Гельвеция, как и многих других французских просветителей XVIII века. Отвергая все рассуждения Монтескье в защиту сословной монархии, Гельвеций все же не сумел окончательно отбросить абстрактный и утопический идеал «просвещенного монарха», оберегающего интересы всего народа, служащего народу, добровольно отказывающегося от части своей суверенной воли. Не сумев отделаться от идеи «просвещенного монарха», Гельвеций, как и другие французские просветители, вкладывал, однако, в это понятие такое широкое, демократическое, республиканское содержание, что основательно подрывал саму идею монархизма. Просвещенные монархи Гельвеция и Дидро по своим правам и полномочиям мало отличались от будущих президентов французской буржуазной республики.

Гельвеций много сделал для обоснования основных принципов буржуазной демократии. Он искренне верил, что в будущем «разумном государстве» демократические свободы станут достоянием всех граждан. Но это было иллюзией, ибо сам Гельвеций узаконивал существование частной собственности, хозяев и наемных рабочих, богатых и бедных, что подрывало возможность подлинной демократии, демократии для всех.

Гельвеций ни в какой степени не сочувствовал коммунистическим идеям Мелье, Мабли, Морелли. Отвергал он также руссоистские эгалитаристские идеалы. Открыто и настойчиво он отвергает целесообразность и возможность общества, основанного на общественной собственности, на «общности имущества». Гельвеций убежден, что общество, где люди не охвачены желанием с максимальной полнотой удовлетворять свои личные интересы, «честными средствами» приумножать свою собственность, где нет конкуренции, — такое общество лишено движущих сил развития и процветания.

Достаточно отчетливо понимая реальный ход вещей своего времени, Гельвеций утверждает, что на смену феодализму идет не «общность имущества», не «общество равных», а «реальное общество», основанное на «законной» частной собственности, т. е. буржуазное общество. Оно, это неназванное, но подразумеваемое общество, и есть социально-экономический идеал Гельвеция. Он не только констатирует движение общества к новым формам имущественного неравенства, но и увековечивает их. Гельвеций пишет: «Нет такого общества, в котором все гражд-

⁶⁰ Oeuvres complètes de Montesquieu avec de notes d'Helvétius sur l'Esprit des lois, t. I. Paris, 1765, p. 267.

⁶¹ Oeuvres complètes d'Helvétius. Nouvelle édition, t. III, p. 267.

дане могут быть одинаково богатыми и могущественными»⁶².

Гельвецию, как и Дидро, хотелось лишь преодолеть чрезмерное имущественное неравенство. В отличие от физиократов Гельвещий считал, что государство не только имеет право, но и обязано регулировать отношения собственности, более справедливо и равномерно ее распределять, увеличивать число собственников. Но Гельвещий вынужден признать, что государственное вмешательство в лучшем случае способно лишь замедлить, а не парализовать концентрацию богатств в руках меньшинства. На четко сформулированный вопрос: «Можно ли надеяться сохранять в стране с денежным обращением справедливое равновесие между состояниями граждан? Можно ли помешать тому, чтобы в конце концов богатства не оказались распределенными слишком неравномерно?..» — он столь же четко отвечает: «Это невозможно»⁶³. Гельвещий пытался утешить себя мыслью, что в его «разумном и справедливом», т. е. буржуазном, обществе углубление и расширение имущественного неравенства будут происходить в весьма замедленных темпах, в течение ряда столетий. В этих расчетах Гельвещий, конечно, жестоко ошибался.

Таким образом, если освободить социальный идеал Гельвещия от некоторых утопических наслоений, он предстает перед нами как идеализированное буржуазное общество, которое уже во времена мыслителя успело достаточно развиться в недрах феодализма и находилось на пути к своей полной победе.

Как мыслил себе Гельвещий завоевание идеального общества будущего? Он неоднократно повторяет мысль, что в политическом организме все изменения должны быть медленными, постепенными. Задача, думал он, заключается в том, чтобы «путем незаметных переходов перевести народ от его теперешнего законодательства к возможно наилучшему законодательству...»⁶⁴.

Стремление избавиться от феодального строя мирными средствами, постепенными реформами было присуще всем идеологам дореволюционной французской буржуа-

зии. Они имели все основания страшиться вооруженного народа, его ярости, его революционного пафоса. С полным основанием они учитывали, что удары восставших масс могут на каком-то этапе обрушиться не только на деспотическую власть, на феодалов, но и на «состоятельных людей» вообще.

И тем не менее Гельвещий не исключал насильственную борьбу, если не было иных средств для уничтожения ненавистного феодального порядка. Он был сторонником договорного происхождения государства и считал, что заключенный между народом и правителями договор предусматривает защиту последними жизненных прав народа. Если эти права попораны и нет иных возможностей восстановления утраченной справедливости, то народ может ответить на насилие насилием «Если какое-нибудь правительство, — писал Гельвещий, — становится чрезмерно жестоким, беспорядки носят тогда благотворный характер... Освобождение народа от рабства стоит иногда государству меньше людей, чем их погибает на каком-нибудь плохо организованном публичном празднестве»⁶⁵.

Попытки, делаемые, например, А. Кеймом, представить Гельвещия сторонником исключительно мирных реформ для упразднения феодализма и утверждения нового, «разумного порядка» не соответствуют действительности⁶⁶. А. Кейм явно упускает из виду, что в определении не только социально-политического идеала, но и средств его осуществления Гельвещий продвинулся значительно дальше своих учителей Монтескье и Вольтера.

Социологические и социально-политические идеи Гельвещия тесно связаны с его утилитаристской этикой. «Ключевую роль в размышлениях Гельвещия о нравственности, — пишет профессор В. Н. Кузнецов, — играло понятие интереса, через которое он определял фундаментальные этические категории добродетели и порока и стремился решить проблему морального регулирования жизни людей в обществе»⁶⁷. Вся программа коренных социальных преобразований Гельвещий и его единомышленники обосновывали с неизменной ссылкой на себя-

⁶² Гельвещий К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, с. 301.

⁶³ Там же, с. 257.

⁶⁴ Там же, с. 341.

⁶⁵ Там же, с. 356.

⁶⁶ Кейм А. *Helvétius, sa vie et son oeuvre*, p. 159.

⁶⁷ Кузнецов В. Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981, с. 216.

любивую «природу человека», на его утилитаристскую мораль.

Французские материалисты XVIII века, в особенности Гельвеций, выступили последователями и продолжателями утилитаристской этики, которая в XVII веке имела таких видных представителей, как Гоббс, Локк и др. Несмотря на разногласия в понимании сущности и назначения морали, они единодушно сходились на положении, которое было сформулировано еще Эпикуром: надо, чтобы для всех существ целью служило удовольствие, ибо едва они увидят свет, как уже естественным образом и независимо от разума ищут наслаждения и противятся страданию.

Эпикурейское этическое начало — удовольствие как верховное благо — было развито и по-новому обосновано идеологами восходящей буржуазии, которые, отбрасывая религиозно-этические идеалы, ратовали за мирские интересы и отвергали стоическое презрение к плоти. Мысль о том, что стремление к счастью и собственной пользе не несет в себе ничего аморального и предосудительного, а, наоборот, является неотъемлемым свойством человеческой природы, энергично отстаивалась идеологами буржуазии уже на ранних стадиях ее формирования. Это умонастроение вытекало из самой социальной природы буржуазии и вполне соответствовало ее жизненной практике. Выражая чаяния активной, охваченной духом предпринимательства голландской буржуазии XVII века, Спиноза утверждал, что первая и единственная основа добродетели, или правильного образа жизни, есть искание собственной пользы⁶⁸.

На родине Гельвеция утилитаристские идеи имели вековую историю и таких сторонников, как Монтень, Гаспенди, Ларошфуко, Вольтер и др. Не боясь огрубления вопроса, Ларошфуко заключал, что помощь другим оказывается лишь для того, чтобы обязать их в нужном случае ответить тем же; услуги, которые оказываются другим, в действительности авансом оказываются самим себе.

Гельвеций постарался подвести под утилитаристскую этику прочную теоретико-познавательную базу. Если у Ларошфуко и ряда других моралистов мысли о роли эгоизма в сознании и поведении людей не выходили за

рамки констатации эмпирического факта, то у Гельвеция утилитаризм превратился в достаточно стройное, логически последовательное учение, пронизанное единым философским принципом — материалистическим сенсуализмом.

Этическая концепция, защищаемая Гельвецием, была подвергнута острой критике в самом лагере просветителей. Гельвеций и в вопросах этики решительно расходился с Руссо, который стоял на позициях признания врожденности добродетели, справедливости, сострадания и т. п. Позиция Гельвеция была противоположна и позиции Вольтера, который пытался сочетать утилитаризм с учением о врожденности чувства доброжелательности.

Не отвергая утилитаристскую этику в целом, Дидро возражал против крайних выводов Гельвеция, против огрубления проблемы. Так, оценивая утверждение Гельвеция, что человек любит в добродетели лишь доставляемые ею богатство и уважение, Дидро замечает: «Это верно в общем, но в частности нет ничего более неверного, чем это утверждение»⁶⁹. Критические замечания Дидро в большинстве своем верны. Но, правильно возражая против сведения всех моральных поступков личности лишь к эгоистическому интересу, к физической чувствительности, Дидро порой грешил ошибками противоположного порядка. Пытаясь выправить крайний сенсуализм Гельвеция в этике, он иногда доходит до отрицания всех явных и скрытых, непосредственных и опосредованных связей между моральным сознанием человека и его чувственной природой, его интересами. В этой связи не мог не возникнуть вопрос: если некоторые моральные понятия и представления не коренятся в последнем счете в опыте, не имеют сенситивного происхождения, то откуда они берутся?

Защита Гельвецием утилитаристской этики со всем пылом, прямотой, а порой и нарочитым огрублением проблемы вызвала взрыв негодования со стороны феодальной реакции, а позднее — идеологов пореволюционной французской буржуазии. Архиепископ парижский Кристоф де Бомон предавал анафеме «нечестивую систему», которая уничтожает все естественные обязанности человека, упраздняет «всякое влияние божественного закона на сердца людские», атакует «вечные понятия добра

⁶⁸ См. Спиноза Б. *Этика*. М.—Л., 1933, с. 156—157, 164—165.

⁶⁹ Дидро Д. *Соч.*, т. II, с. 259.

и зла и открывает двери для всех пороков»⁷⁰. Кристоф де Бомон понял органическую связь, которая существовала между этическим учением Гельвеция и отрицанием феодальной системы. Архиепископ констатировал довольно точно, что этическая концепция Гельвеция «желает разрушить отношения, которые связывают слуг с их господами»⁷¹. Вскоре после революции 1789—1794 годов внутреннюю связь между революцией и утилитаристской этикой французских материалистов отмечали такие представители аристократической реакции, как Жозеф де Местр и ренегат Лагарп. Последний не переставал твердить, что французские просветители «были первыми учителями санкюлотизма»⁷². Обрушиваясь на этику Гельвеция, Лагарп заявлял, что она «освящала все покушения на природу, человечность, правду и справедливость»⁷³. Легко заметить, что под человечностью, правдой и справедливостью Лагарп подразумевал феодальные отношения и санкционировавшую их феодально-клерикальную мораль.

Все позднейшие атаки реакционных буржуазных идеологов на этику Гельвеция неизменно сопровождалась коренной ее фальсификацией. Пытались представить дело таким образом, будто бы Гельвеций выступал защитником вульгарного гедонизма, теоретиком необузданного зоологического эгоизма, отрицал возвышенные нравственные идеалы, звал назад, к войне всех против всех, и т. п. Дискредитация утилитаристской этики Гельвеция преследовала цель укрепить позиции религиозной, спиритуалистической этики, к которой буржуазия особо пристрастилась после своего превращения в господствующий класс.

Гельвецию навязывали оценки и характеристики, которые были несовместимы с его взглядами. Верно, что этика французского мыслителя начинается с провозглашения эгоизма исходной основой чувств, мыслей и действий людей, но на эгоизме этическое учение Гельвеция не кончается. Опираясь на эгоистическую «природу человека», этика Гельвеция пытается сделать человека альтруистом, заставить его, преследуя личный интерес, творить общественное благо. Гельвеций не отрицает ни одной

из нравственных добродетелей. Он желает лишь вскрыть их истинные корни, обосновать гуманизм не вымышленными метафизическими и спиритуалистическими врожденными или боговдохновенными началами, а реальными потребностями людей. Можно смело сказать, что центральное место в этической концепции Гельвеция занимает не «апология эгоизма», а поиск путей, при которых человек, стремясь к личному благу, не только не нарушал бы интересы общества, но, напротив, содействовал бы им. «Вместе с другими буржуазными философами XVIII века, — пишет Ги Бесс, — Гельвеций разделял идеалистические и реформистские иллюзии. Но тем не менее он лучше всех осознал, что защита общественного строя, основанного на общем интересе, способна придать разумной критике действительность и обеспечить ее успех»⁷⁴.

Этическое учение Гельвеция всесторонне обосновывает мысль, согласно которой правильно понятое счастье требует обуздания чувства себялюбия. Безудержное стремление только к личному благу, использующее для этого любые средства, неминуемо должно привести к столкновению человека со множеством других людей и к поражению узкого эгоиста. Сам принцип пользы должен убедить индивида в необходимости сочетания своего интереса с интересами других людей. В этом, согласно Гельвецию, заключается правильное понимание личностью своего интереса. Критерием добра, критерием истинно нравственного может быть не узкоэгоистический интерес, а тот поступок, который, преследуя личный интерес, совпадает с интересом общественным.

Поступки, преследующие выгоды личности или отдельных сообществ в ущерб интересам всего общества, расцениваются Гельвецием как безнравственные. Если общественное благо включает в себя благо каждого, то оно является высшим критерием нравственности. «Если хочешь поступать честно, — утверждает Гельвеций, — принимай в расчет и верь только общественному интересу...»⁷⁵ Но Гельвеций идет еще дальше. Если общественный интерес превыше всего, если *salus populi suprema lex est*⁷⁶, то во имя целого, во имя народа справедливо подавлять интересы отдельных лиц и отдельных

⁷⁰ Mandement de M. L'archevêque de Paris, portant condamnation d'un livre qui a pour titre de l'Esprit. Paris, MDCCLVIII, p. 15.

⁷¹ Там же, с. 20.

⁷² Laharpe J. F. Réfutation du livre de l'Esprit. Paris, 1797, p. X.

⁷³ Там же, с. 100.

⁷⁴ *Helvétius*. De l'Esprit. Paris, 1959, p. 63.

⁷⁵ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 204.

⁷⁶ Спасение народа должно быть высшим законом (лат.).

сообществ, противоречащие общему интересу. Общественная польза, пишет Гельвеций, «есть принцип всех человеческих добродетелей и основание всех законодательств. Она должна вдохновлять законодателя и заставлять народы подчиняться законам, и этому принципу следует жертвовать всеми своими чувствами, даже чувством гуманности»⁷⁷. Антифеодалная направленность учения Гельвеция об общественном благе как о высшем нравственном законе и критерии добродетели совершенно ясна. Из этики Гельвеция со всей очевидностью следовало, что во имя блага народа законно и добродетельно подавлять интересы господствующих феодальных сословий как противоречащие счастью большинства. Под общественным благом Гельвеций подразумевал благо возможно большего числа людей.

Этика Гельвеция объективно служила идейной подготовкой и теоретическому обоснованию революции 1789—1794 годов. В этом нетрудно убедиться, читая высказывания Гельвеция о законности и справедливости насилия, даже кровавого, во имя спасения народа.

Гельвеций отвергает наличие каких-нибудь принципиальных помех для сочетания личного интереса с общественным. Но какими мерами осуществимо это сочетание? Казалось бы, что утверждение о том, что правильный интерес толкает человека к добродетели, к взаимопомощи, к уважению интересов других, должно было привести Гельвеция к типичному просветительству, к призыву отличать с помощью разума правильно понятый интерес от неправильно понятого, т. е. к той же абстрактно-моральной проповеди, которая подвергалась осмеянию в работах мыслителя.

Говоря о всемогущей роли воспитания, Гельвеций не забывал каждый раз указывать, что первейшими наставниками людей являются господствующие законы, политический строй. Сочетание личных интересов с общественными не может быть осуществлено уговорами⁷⁸. Действующие во вред общественному интересу эгоистические побуждения могут быть парализованы такими реальными мерами, которые задевали бы интересы узкого эгоиста и убеждали его в невыгодности его поведения с точки зрения его же собственных интересов. «...Только тогда, —

пишет Гельвеций, — можно надеяться изменить взгляды народа, когда будет изменено его законодательство, и... реформу нравов следует начать с реформы законов...»⁷⁹

Мы уже отметили чрезмерное подчеркивание Гельвецием роли политики, государственных деятелей в историческом процессе. И в вопросах совершенствования нравственных норм Гельвеций подчеркивает роль законодателей, будучи не в состоянии по достоинству оценить решающую роль социально-экономических отношений, общественных классов в формировании всех социальных явлений, в их числе и нравственности. Но в условиях XVIII века точка зрения Гельвеция знаменовала шаг вперед в развитии этической мысли.

Считая людей, их нравственное сознание продуктом политического строя, Гельвеций отвергал мысль о врожденности порока, осмеивал утверждения о его наследственно-фатальной обусловленности, о несправимости преступников, разоблачал всю сумму реакционных, мистических, человеконенавистнических идей, которые позднее получили свое дальнейшее развитие в писаниях Ломброзо и его сторонников, а ныне возведены в ранг «непреложных» истин многими идеологами империализма. Достоинно упоминания, что основная идея трактата известного итальянского просветителя, основоположника прогрессивной для своего времени уголовной юриспруденции Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», — идея о необходимости уничтожения общественных условий, порождающих преступность и преступников, по признанию самого Беккариа, вытекала из социологической и этической концепции Гельвеция⁸⁰.

Заканчивая краткую характеристику этических взглядов Гельвеция, следует сказать о некоторых других исторически и классово обусловленных недостатках учения французского мыслителя о нравственности.

Гельвецию казалось, что выдвигаемое им этическое учение носит общечеловеческий характер. В действительности он отстаивал этическую концепцию, заостренную против феодализма и в защиту «разумного строя», который оказался не чем иным, как буржуазным обществом. Совершенно реальный буржуазный индивидуализм и эгоизм, имевшие своей экономической основой капиталисти-

⁷⁷ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 206.

⁷⁸ См. Танган С. А. Педагогические идеи Гельвеция. М., 1954.

⁷⁹ Гельвеций К. А. Соч. в двух томах, т. 1, с. 261.

⁸⁰ См. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939, с. 41.

ческую частную собственность, Гельвеций хотел сочетать с абстрактным, иллюзорным в условиях буржуазного строя «общественным» интересом. Этот мнимый общественный интерес, который не может быть в действительности ничем иным, кроме классового интереса буржуазии, объявлялся Гельвецием критерием нравственного поведения личности, справедливого и несправедливого, добра и зла.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс вскрыли классовый характер утилитаристской этики Гельвеция и Гольбаха как выражения окрепших буржуазных отношений, буржуазного мировоззрения. «Представляющееся совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности, — писали Маркс и Энгельс, — эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению»⁸¹.

Взаимная польза, взаимное использование рассматривались Гельвецием и Гольбахом как единственное реальное средство для связывания и гармонического сочетания частных интересов. Но само собой разумеется, что в условиях буржуазного общества эти идеализированные и столь облагороженно представляемые отношения взаимной пользы и использования не могли быть ничем иным, как отношениями классовой эксплуатации. Из сказанного не следует, конечно, что Гельвеций и Гольбах выступали как сознательные сторонники капиталистической эксплуатации. Напротив, они искренне верили, что отстаиваемая ими теория полезности обосновывает и добивается «всеобщей пользы», что она призвана развязать творческую инициативу человека вообще. Понятно, что это были иллюзорные представления, хотя и имевшие под собой определенные исторические основания. Нельзя забывать, что тогда буржуазия шла во главе трудящихся масс и общие интересы борьбы против феодализма затушевывали до поры до времени классовые противоречия внутри самого «третьего сословия».

Объективное изучение жизни и творчества Гельвеция со всей очевидностью показывает необоснованность и тенденциозность многих суждений реакционной буржуазной

истории философии об этом выдающемся французском философе. Перед нами глубокий и проницательный мыслитель, сыгравший выдающуюся роль в создании и пропаганде передовых идей века, в содействии победе более прогрессивного общественного строя.

Все основные мероприятия победившей буржуазной революции 1789—1794 годов, направленные на уничтожение феодальных отношений, были теоретически обоснованы и предсказаны в произведениях французских просветителей, и в частности в трудах Гельвеция. Так, один из основных принципов философии Гельвеция — принцип необходимости сочетания личного и общественного интересов, утверждающий, что общественное благо является верховным законом, фигурировал в мотивировочных частях решений якобинского Конвента, Комитета общественного спасения и был декларирован верховным законом, определяющим как деятельность общественных организаций, так и поведение каждого гражданина. Значительной была роль воинствующего материализма Гельвеция в идейной подготовке атеистического и антиклерикального движения в период французской буржуазной революции.

Изучение творчества Гельвеция полностью подтверждает указание Маркса об исторической и логической связи между материализмом XVIII века и утопическим социализмом XIX века. Не будучи сторонником социализма, отвергая возможность социального равенства, рассматривая частную собственность как единственную основу человеческого общежития, Гельвеций вместе с тем своим учением о решающей роли среды в формировании личности, о необходимости гармонического сочетания личного и общественного интересов, о равенстве интеллектуальных способностей людей и другими положениями много сделал для подготовки утопического социализма и утопического коммунизма XIX века.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 409.

- Гельвеций. Сочинения, т. 1. М., 1973.
Вороницын И. П. К. А. Гельвеций. М., 1934.
Данелиа С. И. Опыт исследования теории нравственности Гельвеция, ч. I. Тифлис, 1922.
Дынник М. А. К.-А. Гельвеций, философ-поэт. — Литературный критик, 1936, № 3.
Момджян Х. Гельвеций и Монтескье. Ереван, 1948.
Момджян Х. Н. Философия Гельвеция. М., 1955.
Плеханов Г. В. Буржуа прежних времен. — Соч., т. 24. М., 1927.
Радлов Э. Л. К. Гельвеций и его влияние в России. Пг., 1917.
Силин М. А. Клод Адриан Гельвеций — выдающийся французский материалист XVIII века. М., 1958.
Тангян С. А. Педагогические идеи Гельвеция. М., 1954.
Троцкий Ю. Н. Этические взгляды Гельвеция. М., 1923.
Федин И. Я. Мыслитель-борец. 250 лет со дня рождения К. А. Гельвеция. — Природа, 1965, № 1.

* * *

- Oeuvres complètes d'Helvétius. Nouvelle édition. Paris, 1818.
Frauenglas. Diderot et Helvétius. Paris, 1937.
Gaston R. Helvétius précurseur de Marx. Revue Internationale de sociologie. Paris, 1927, N 7—8.
Grossman M. The philosophy of Helvétius. New York, 1926.
Keim A. Helvétius, sa vie, son oeuvre. Paris, 1907.
Laharp J. F. Refutation du livre de l'Esprit. Paris, 1797.
Lochman H. Die etischen Prinzipien des Helvétius. Würzburg, 1906.
Saint-Lambert. Essai sur la vie et oeuvres d'Helvétius. Oeuvres complètes d'Helvétius. Neuv. édit., t. 1. Paris, 1818.
Wilinski K. Moralność u Polityka. Społeczna etyka. Helwecjusza, Warszawa, 1971.